

Правовые позиции судов по экономическим спорам в примерах из судебной практики

Шайхеев Тимур Ильгизярович

Юрист

Статья посвящена обзору судебной практики и структурно разделена по категориям споров. Приводятся позиции судов по проблемам правоприменения, которые могут быть востребованы при последующем рассмотрении аналогичных дел.

Ключевые слова: арбитражный суд, договор, потребитель, банкротство, конкуренция, антимонопольное законодательство, антимонопольный орган, судебные расходы, интеллектуальная собственность.

Внимание читателей представляется обзор судебной практики. Текст для удобства разделен по темам. При этом акцент делается не на конкретных фабулах дел (наименовании сторон, суммах заявленных требований, резолютивной части судебных решений), а на выводах судов, носящих общий и в связи с этим важный для последующей практики характер.

Целью статьи является побуждение читателей задуматься над общеправовыми принципами, которыми руководствуются суды, рассматривая споры из различных областей гражданского и смежного с ним права. Полагаем, что наличие общего, фундаментального взгляда на правоприменение будет полезно практикующим юристам и позволит быстро ориентироваться в изменяющемся потоке юридических событий.

1. Договорная практика

1.1. Права и обязанности сторон

Вступая в договорные отношения, стороны связывают друг друга взаимными правами и обязанностями, которые, как показывает судебная практика, возникают вне зависимости от факта государственной регистрации договора.

В соответствии с пунктом 3 статьи 433 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) договор, подлежащий государственной регистрации, приобретает юридическую силу для третьих лиц с момента его регистрации. Следовательно, в отсутствие такой регистрации договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении.

Однако стороны договора, нарушившие требование о его обязательной государственной регистрации, все равно связывают себя обязательствами из данного договора (*определение Верховного Суда Российской Федерации* (далее — ВС РФ) от 27.01.20 № 305-ЭС18-18763).

С учетом изложенного факт государственной регистрации не влияет на возникновение прав и обязанностей сторон договора по отношению друг к другу. Целью государственной регистрации договора является ознакомление неограниченного круга третьих лиц с таким договором. Указанная позиция подтверждается пунктом 3 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, утвержденного информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 25.02.14 № 165.

Если же одна из сторон договора ссылается на его незаключенность в связи с отсутствием государственной регистрации, такое поведение является недобросовестным и не имеет правового значения, поскольку сторона, вступившая в подобное соглашение, создает **разумные ожидания** у контрагента о действительности и исполнимости обязательства (*постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.02.21 по делу № А32-7636/2020*).

В практике имеют место случаи, когда сторона пытается уклониться от исполнения обязательства путем отказа от договора.

Односторонний отказ от договора является односторонней сделкой, которая может быть признана недействительной по основаниям, установленным законом.

Если односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий не предусмотрены законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдены требования к их совершению, то по общему правилу данные действия не влекут юридических последствий, на которые они были направлены (пункт 12 постановления Пленума ВС РФ от 22.11.16 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

Так, если лицо фактически эксплуатировало имущество, в результате чего получало энергоресурс и обеспечивало потребителей энергией в соответствии с утвержденными тарифами, то, по мнению суда, данного обстоятельства достаточно для возникновения у этого лица обязательства по оплате энергоресурса.

Наличие либо отсутствие гражданско-правового титула, подтверждающего **законность владения субъектом энергетического правоотношения соответствующим имуществом, не исключает участие этого имущества в энергетическом обязательстве** (*постановление Президиума ВАС РФ от 07.09.10 № 2255/10, определения Судебной коллегии по экономическим спорам*

(далее — СКЭС) ВС РФ от 14.09.15 № 303-ЭС15-6562, от 03.12.15 № 305-ЭС15-11783, от 25.07.16 № 305-ЭС16-974, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.01.21 по делу № А04-708/2020).

1.2. Прекращение обязательства, расторжение договора

Прекращение обязательства, расторжение договора являются заключительным этапом взаимоотношений сторон, если, конечно, за ними не следуют судебные процедуры. Если прекращение обязательств, как правило, является обоюдным и добровольным, то расторжению договора предшествует недобросовестное поведение одной из сторон, ненадлежащее исполнение ею обязательств. С учетом этого термин «расторжение» несет в себе более отрицательную смысловую нагрузку, чем «прекращение».

Обязательства могут прекращаться зачетом встречных требований (статья 410 ГК РФ), который может быть судебным и внесудебным. Решающее значение для признания обязательств прекращенными зачетом имеют не формальные основания (заявление о зачете, акт о зачете, встречный иск, принятие или вступление в силу решения суда), а материальные основания, то есть когда **обязательства стали способны к зачету** — наступили условия для прекращения обязательств зачетом. Сторона, срок исполнения обязательства которой наступил ранее, находится в просрочке и несет соответствующую ответственность ровно до наступления данных условий.

Указанная позиция подтверждается пунктом 3 Обзора практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований, утвержденного информационным письмом Президиума ВАС РФ от 29.12.01 № 65, на примере дела о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за нарушение срока исполнения обязательства: **при зачете встречных однородных требований обязательства сторон прекращаются в момент наступления срока исполнения того обязательства, срок которого наступил позднее**, в том числе в случаях, когда заявление о зачете выражается в предъявлении встречного иска.

Между сторонами могут быть сложные договорные отношения (оказание генподрядных услуг, обеспечение объекта строительными и иными материалами, размещение бытовых помещений для рабочих, обеспечение водой, тепловой и электрической энергией). Исполнение обязательств в подобной ситуации направляется на достижение единого результата — создание объекта строительства в соответствии с условиями договоров подряда. При этом каждая из сторон становится обязанной в отношении другой и за допущенные нарушения обязательств может быть привлечена другой стороной к ответственности.

Путем подписания актов зачета стороны могут договориться, что их имущественные предоставления по отношению друг к другу не подлежат встречной оплате в соответствующей части и, следовательно, между ними

отсутствуют задолженности по оплате выполненных работ по договорам подряда, генподрядных услуг, поставленных материалов, по внесению арендных платежей, по оплате электрической и тепловой энергии, водоснабжения, а также подрядчиком штрафов (*определение СКЭС ВС РФ от 02.02.21 № 307-ЭС20-16551*).

Прекращению обязательства может предшествовать выставление одной из сторон контрагенту денежных требований.

Так, направление заказчиком в адрес подрядчика претензии об уплате неустойки, начисленной за нарушение конечного срока выполнения работ, может быть расценено как определение итогового обязательства подрядчика при зачете взаимных требований по договору.

Согласно пункту 2 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.20 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» **перечень оснований прекращения обязательств не является закрытым** (пункт 1 статьи 407 ГК РФ). Стороны могут в своем соглашении предусмотреть не названное в законе или ином правовом акте основание прекращения обязательства и прекратить как договорное, так и внедоговорное обязательство, а также определить последствия его прекращения. При этом недопустимо нарушать требования закона или существо обязательства (пункт 3 статьи 407 ГК РФ).

Как разъяснено в пункте 21 вышеуказанного постановления Пленума ВС РФ № 6, стороны вправе согласовать автоматическое прекращение обязательств по договору без заявления одной из сторон либо невозможность совершения зачета в одностороннем порядке. В последнем случае обязательства могут быть прекращены при наличии двустороннего волеизъявления, то есть по соглашению между сторонами (статья 411 ГК РФ).

Обязательства заказчика по оплате работ могут быть прекращены (частично прекращены) удержанием с контрагента суммы неустойки в случае просрочки выполнения работ подрядчиком. При этом следует соблюдать претензионный порядок урегулирования споров, и этот порядок должен оказаться безрезультатным (*определение СКЭС ВС РФ от 02.02.21 № 305-ЭС20-18448*).

Согласно *определению СКЭС ВС РФ от 29.01.18 № 304-ЭС17-14946* при прекращении договора подряда необходимо сравнивать взаимные действия сторон по этому договору и определять итоговые обязанности каждой из них в отношении другой.

В конкретном примере заказчик, заявив о начислении и удержании неустойки, фактически просил суд определить итоговую сумму задолженности по договору подряда с учетом допущенного подрядчиком нарушения (*определение СКЭС ВС РФ от 02.02.21 № 305-ЭС20-18448*).

Прекращение обязательств по отдельным договорам, например по абонентскому договору, имеет свои особенности.

Как разъяснено в пункте 32 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.18 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», согласно пункту 1 статьи 429.4 ГК РФ по абонентскому договору абонент вносит контрагенту определенные, в том числе периодические, платежи или иное предоставление. В свою очередь, он вправе требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения в количестве, объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом.

В пункте 33 того же постановления Пленума ВС РФ № 49 указано, что в силу пунктов 1 и 2 статьи 429.4 ГК РФ, если абонент не совершает действия по получению исполнения (не направляет требования исполнителю, не является для непосредственного получения исполнения и т. д.) или требует исполнения в меньшем объеме, чем это предусмотрено договором, по общему правилу абонент все равно обязан осуществлять платежи по абонентскому договору.

Истечение указанной в договоре даты означает исполнение обязательств сторонами, а договор прекращает действие независимо от объема полученных услуг (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.02.21 № 49-КГ20-27-К6, 2-7829/19*).

Рассмотрим возможные причины **расторжения договора**.

Исполнение обязанностей поставщика по договору может быть связано с передачей результатов работ покупателю и подписанием акта ввода оборудования в эксплуатацию. Если поставленный по договору товар не отвечает требованиям, согласованным сторонами в целях обеспечения использования товара, ответчиком допущено существенное нарушение требований к качеству товара, которое не может быть устранено без несоразмерных расходов и затрат времени, то истец лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора.

Расторжение договора не может быть признано преждевременным, если причиной этого является **утрата истцом интереса в исполнении договора**, а сроки выполнения работ по договору уже значительно истекли. **Формирование у истца**, полностью исполнившего финансовые обязательства перед ответчиком, **воли на прекращение договора в судебном порядке** правомерно возникает после ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязательств. Например, если контрагент в одностороннем порядке покинул место исполнения договора. В этом случае поведение истца, направленное на прекращение договорных отношений, является законным.

На истца не может быть возложена обязанность по выяснению причин невыполнения ответчиком условий заключенного договора и предъявлению требования об исполнении договора в разумный срок. Закон гарантирует заказчику качество работ и также его право на прекращение договора при ненадлежащем исполнении подрядчиком своих обязательств.

В свою очередь, по общему правилу, если заказчик в разумный срок после получения соответствующего предупреждения исполнителя не предпримет необходимых мер по исполнению обязательств, исполнитель имеет право в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора (*постановление Президиума ВАС РФ от 24.07.12 № 5761/12*).

В этом случае исполнитель должен представить доказательства приостановления им работ по вине заказчика, направления соответствующего предупреждения и неисполнения заказчиком его условий.

Отсутствуют основания признавать правомерным взыскание с исполнителя денежной суммы в случае нахождения у заказчика предмета договора — оборудования. При удовлетворении иска о взыскании уплаченной по договору суммы должна быть разрешена судьба спорного оборудования. Данные вопросы, учитывая **неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость требований о возврате покупной цены, расторжении договора с возвращением поставленного имущества в натуре**, подлежат одновременному рассмотрению по делу (*определения СКЭС ВС РФ от 18.08.20 № 309-ЭС20-9064, от 26.03.21 № 303-ЭС20-20303*).

Расторжение договора несет определенные имущественные последствия.

Так, если договор оказания дополнительных банковских услуг досрочно расторгнут, требования банка об оплате таких услуг в размере, превышающем действительно понесенные им расходы для исполнения договора банковских услуг, не подлежат удовлетворению. Это приведет к нарушению **равноценности встречных предоставлений сторон**, то есть к возникновению на стороне банка неосновательного обогащения (пункт 1 статьи 1102 ГК РФ) (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.12.20 № 32-КГ20-12*).

Данные положения перекликаются с нормой пункта 1 статьи 782 ГК РФ, согласно которой заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов.

1.3. Ответственность сторон договора за нарушение обязательств

3а нарушение обязательств по договору виновная сторона несет ответственность, которая предусмотрена как законом, так и договором.

Например, надлежащее исполнение сторонами договора поставки своих обязательств может обеспечиваться неустойкой в виде пени и (или) штрафа. При этом правовое регулирование отношений по поставке является диспозитивным. Стороны вправе предусмотреть неустойку за нарушение любого из согласованных в договоре обязательств, если это прямо не противоречит закону или существу сложившихся отношений. Условия о неустойке должны толковаться таким образом, чтобы учитывать **цель договора**. При этом необходимо **стимулировать**

стороны к разумному и добросовестному поведению и не позволять какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного и (или) недобросовестного поведения.

В договоре может быть предусмотрено условие о незамедлительной замене поставленной продукции товаром надлежащего качества применительно к требованиям статьи 518 ГК РФ. В этом случае покупатель лишается права на предъявление поставщику вытекающих из статьи 475 ГК РФ требований (например, о соразмерном уменьшении покупной цены или возврате уплаченной за товар денежной суммы с одновременным отказом от исполнения договора). Однако покупатель вправе требовать, например, присуждения предусмотренного условиями договора штрафа за поставку товара ненадлежащего качества.

Даже если поставщик уложился в итоговый срок поставки, покупатель вправе требовать привлечения его к гражданско-правовой ответственности в виде штрафа за сам факт поставки товара ненадлежащего качества, если такое положение предусмотрено договором.

Данный вид неустойки защищает правомерный интерес покупателя, который в случае поставки товара ненадлежащего качества сталкивается с необходимостью выполнения требований статьи 513 ГК РФ по организации повторной приемки товара, в том числе по совершению всех необходимых действий по принятию, осмотру, проверке количества и качества принятых товаров, что может быть сопряжено с временными и организационными издержками.

Также покупатель вправе требовать возмещения поставщиком убытков, связанных с поставкой некачественной продукции.

В договоре может быть предусмотрен штраф, который направлен на предотвращение (а при возникновении — на компенсацию) имущественных потерь (убытков) покупателя, связанных с поставкой ему товара ненадлежащего качества. Если доказано, что поставлен товар ненадлежащего качества, факт причинения в результате этого покупателю имущественных потерь (убытков) в силу пункта 1 статьи 330 ГК РФ доказыванию не подлежит (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.02.21 по делу № А27-29508/2019*).

Любопытно, что в данном примере судебной практики правоприменитель использует наряду с ущербом, убытками термин «потери», который в отличие от первых в законе (статья 15 ГК РФ) не упоминается.

Не всякие штрафные санкции, предусмотренные в договоре, являются законными и подлежащими взысканию.

На основании пункта 14 совместного постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 08.10.98 № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» договором на покупателя может быть возложена обязанность уплачивать проценты от цены товара начиная со дня передачи

товара продавцом (пункт 4 статьи 488 ГК РФ). Данные проценты, как правило, начисляются до дня, когда оплата товара была произведена, и являются платой за коммерческий кредит (статья 823 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 12 указанного постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ к коммерческому кредиту относятся гражданско-правовые обязательства, предусматривающие отсрочку или рассрочку оплаты товаров, работ или услуг. Если иное не предусмотрено договором и не противоречит существу такого обязательства, к коммерческому кредиту применяются нормы о договоре займа (пункт 2 статьи 823 ГК РФ). Проценты, взимаемые за пользование коммерческим кредитом, являются платой за пользование денежными средствами.

Из смысла пункта 1 статьи 823 ГК РФ следует, что проценты по коммерческому кредиту являются платой за **правомерное пользование денежными средствами**. Не допускается применение положений данной нормы к обстоятельствам, свидетельствующим о нарушении срока исполнения денежного обязательства (статья 431 ГК РФ). Если такое условие включается в договор, то оно применительно к статье 170 ГК РФ прикрывает соглашение о неустойке, предусмотренное статьей 330 ГК РФ, что является недопустимым.

В конкретном примере период расчета коммерческого кредита совпадал с периодом начисления неустойки, заявленной ко взысканию. Это, по мнению суда, привело к двойной мере ответственности стороны договора за нарушение одного и того же обязательства.

Поскольку ГК РФ не предусматривает применение двух мер ответственности за одно нарушение, суд отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании процентов за пользование коммерческим кредитом.

Формулировка договора о том, что плата за коммерческий кредит не является мерой ответственности, отклонена судом; им исследовались и оценивались условия спорного договора с учетом положений статьи 431 ГК РФ (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.02.21 по делу № А48-1839/2020*).

С учетом приведенного примера интересен вопрос о том, какое решение следует принимать суду в части взыскания платы за пользование коммерческим кредитом, если ответчик не оспаривает такое требование. Возможно ли признать подобное требование ничтожным в силу несоответствия нормам закона?

Любопытно, что в рассмотренном случае положения договора о плате за коммерческий кредит не признаны недействительными в силу притворности, однако во взыскании этих сумм было отказано. Такой подход затрагивает тему свободы договора. Из примера не усматривается, что одной из сторон условия договора были навязаны или оспаривались ею в процессе заключения договора.

Продолжая тему договоров, отметим, что ответственность за нарушение обязательств (включая возмещение убытков) не исключается в случае перемены лиц.

Если права требования уступаются кредитором, это не влияет на размер ответственности должника в случае нарушения им обязательства. Также не имеет значения момент заключения договора уступки требования и цена, по которой требование уступается.

Согласно пункту 11 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.16 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» по смыслу статьи 393.1, пунктов 1 и 2 статьи 405 ГК РФ, если в результате ненадлежащего исполнения договор был расторгнут в судебном порядке или другая сторона в одностороннем порядке отказалась от его исполнения, нарушитель несет риски по возмещению расходов в случае изменения цены на сопоставимые товары, работы или услуги.

При этом разница в цене возмещается нарушителем независимо от того, заключалась ли другой стороной взамен прекращенного договора **аналогичная (замещающая) сделка** (пункт 2 статьи 393.1 ГК РФ). В этом случае убытки в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой должны быть уплачены должником независимо от уплаты им процентов за пользование денежными средствами.

Доводы о том, что на момент уступки требования цессионарий был осведомлен о предстоящем нарушении обязательства должником и цессионарием не заключался договор вместо ранее прекращенного, не являются основанием для отказа в удовлетворении иска о возмещении убытков, поскольку противоречат закону (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.01.21 № 69-КГ20-15-К7*).

1.4. Участие государства в договорных отношениях

В договорные отношения сторон могут вмешиваться органы публичной власти в пределах своих полномочий.

Так, если арендатором самовольно изменен вид разрешенного использования недвижимого имущества, надзорный государственный орган вправе выдать собственнику этого имущества предписание об устранении нарушений требований, даже если арендодатель не был уведомлен об использовании имущества не по целевому назначению. При этом собственник вправе самостоятельно избрать **механизм (способ)** устранения нарушений (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.02.21 по делу № А81-2579/2020*).

2. Споры с участием потребителей

Категория потребителей как стороны спора или пострадавших в результате нарушений лиц встречается в актах как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов.

При рассмотрении споров о защите прав потребителей суды уделяют особое внимание наличию у потребителя **права на информацию о товаре**. Соответствующим образом распределяется бремя доказывания обстоятельств (наличия информации о товаре) в суде.

Согласно пункту 28 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.12 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» доказать наличие обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств должен продавец (изготовитель, исполнитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер). Исключение из этого правила составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, установлен ли на товар гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков.

При рассмотрении споров суд должен исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги). В силу Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), тем самым обеспечив возможность **компетентного выбора** (пункт 44 указанного постановления Пленума ВС РФ № 17).

В ходе рассмотрения дела продавец должен доказать факт предоставления надлежащей информации не обладающему специальными познаниями покупателю в доступной для него форме.

Как разъяснено в Обзоре судебной практики № 4 (2017), утвержденном Президиумом ВС РФ 15 ноября 2017 года, продавец несет ответственность по договору за любое несоответствие товара к моменту перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным только позднее. Продавец несет ответственность в случае, если несоответствие связано с фактами, о которых он знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.03.21 № 44-КГ20-19-К7, 2-1893/2019*).

В одном из судебных дел отмечено, что наглядным и доступным способом своевременного доведения до покупателей информации о товарах, их цене является размещение возле товаров ценников. Наличие электронного устройства, в котором содержатся сведения о ценах, не отвечает требованиям доступности и наглядности информации и не заменяет обязанность разместить ценник с необходимой информацией о товаре в непосредственной близости от товара.

Отмечается, что пользование электронным устройством затруднительно для лиц пожилого возраста (*постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.12.20 по делу № А60-15328/2020*).

В другом случае при рассмотрении дела о привлечении продавца к ответственности по части 1 статьи 14.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) за обмеривание, обвешивание или обсчет потребителей при реализации товара (работы, услуги) либо иной обман потребителей суд учел, что отсутствуют доказательства ознакомления потребителя с условиями акции и, соответственно, с информацией о цене и условиях приобретения товара. Все условия акций должны быть размещены на информационных стендах магазина (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.03.21 по делу № А64-8429/2019*).

Потребитель вправе вернуть товар в случае наличия у него существенных недостатков, препятствующих эксплуатации.

В конкретном примере истица являлась владелицей электронных часов для занятий фитнесом. Часы функционировали благодаря определенному программному обеспечению. После того как производитель часов перешел на другое программное обеспечение, часы перестали выполнять цели, для которых они приобретались, а именно учет и контроль физической нагрузки и выполняемых тренировок.

Как отмечено высшей судебной инстанцией, качественным следует признать такой товар, который на протяжении всего срока службы может использоваться в соответствии с конкретными целями, для которых он приобретался. В частности, должна быть гарантирована работоспособность программного обеспечения, используемого в технически сложном товаре, например операционной системы, которая служит для обеспечения его функционирования.

В рассматриваемом примере недостаток товара был признан неустранимым и по аналогии (статья 6 ГК РФ) в качестве последствий нарушения права потребителя применен пункт 6 статьи 19 Закона о защите прав потребителей.

Согласно данной норме в случае выявления существенных недостатков товара потребитель вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) требование о безвозмездном устранении таких недостатков, если докажет, что они возникли до передачи товара потребителю или по причинам, возникшим до этого момента. Такое требование может быть предъявлено, если недостатки товара обнаружены по истечении двух лет со дня передачи товара потребителю, в течение установленного на товар срока службы или в течение десяти лет со дня передачи товара потребителю в случае, если такой срок установлен не был.

Если изготовитель не удовлетворяет требование в течение двадцати дней со дня его предъявления потребителем или обнаруженный недостаток товара является неустранимым, потребитель по своему выбору вправе предъявить изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) иные предусмотренные пунктом 3 статьи 18 Закона о защите прав потребителей требования или вернуть товар изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) и потребовать возврата уплаченной денежной суммы.

В подобных спорах суду необходимо установить следующие обстоятельства: 1) утрачена ли возможность использования товара в течение десяти лет со дня его передачи потребителю в связи с необеспечением технического обслуживания товара; 2) возникли ли недостатки в указанный период.

При этом **не имеет значения, что недостаток товара возник до его передачи потребителю.**

ВС РФ признал необоснованным отказ нижестоящих судов в иске по тем причинам, что истец не обратился к изготовителю с требованием о безвозмездном устранении недостатков, связанных с отказом производителя поддерживать программное обеспечение часов. Если согласно ответам изготовителя и заключению эксперта после замены программного обеспечения восстановление его функционирования на прежних условиях не представляется возможным, то есть недостаток товара является неустранимым, потребитель не обязан обращаться к изготовителю с требованием о безвозмездном устранении недостатков товара.

Также ВС РФ отмечено, что **непредоставление потребителем сведений о месте и цене приобретения товара не является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований** (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 15.12.20 № 46-КГ20-19-К6*).

Правам потребителя корреспондируют обязанности его контрагента — продавца, особенно по публичным договорам.

В силу пункта 1 статьи 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится.

Установление минимальной обязательной суммы покупки, при условии что продавец предлагает к продаже также товары меньшей стоимости, по мнению суда, ведет к отказу от заключения договора с потребителем, который заказывает (приобретает) товар на меньшую сумму.

Если товар не входит в определенный набор в комплекте в соответствии со статьей 479 ГК РФ, продавец не вправе навязывать потребителю его приобретение. Такое навязывание приводит к увеличению цены одних товаров за счет других и ущемляет права потребителей.

Факт приобретения дополнительных товаров, в которых потребитель не нуждается, ввиду установления минимальной суммы заказа является нарушением пункта 2 статьи 16 Закона о защите прав потребителей. Согласно данной норме запрещается обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг). Убытки, причиненные потребителю вследствие нарушения его права на **свободный выбор** товаров (работ, услуг), возмещаются продавцом (исполнителем) в полном объеме (*постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.07.20 по делу № А45-42605/2019*).

В случае неисполнения обязанностей продавец может быть привлечен к ответственности.

Частью 1 статьи 14.7 КоАП РФ предусмотрена ответственность за обмеривание, обвешивание или обсчет потребителей при реализации товара (работы, услуги) либо иной обман потребителей, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 14.7 КоАП РФ. Данная норма направлена на недопущение нарушения прав менее защищенного по сравнению с хозяйствующими субъектами лица — потребителя товаров, услуг.

Под обманом в гражданском праве следует понимать **преднамеренное** введение другого лица в заблуждение путем ложного заявления, обещания, а также умолчания о фактах, которые могли бы повлиять на совершение сделки.

Обсчет потребителя является одной из форм его обмана и предполагает взимание с потребителя большей суммы, чем цена товара. Цена может устанавливаться уполномоченными государственными органами. Обсчетом также может быть утаивание (невозврат) излишней денежной суммы, полученной от потребителя, или передача ему только части этой суммы (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.20 по делу № А41-69947/2019*).

3. Банкротство

3.1. Сделки должника

Одним из наиболее эффективных способов возврата имущества, денежных средств в конкурсную массу является оспаривание сделок должника.

По смыслу статьи 61.1 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) юридическими действиями, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве,

являются не только сделки, предусмотренные статьей 153 ГК РФ. В соответствии с определениями ВС РФ от 18.12.17 № 305-ЭС17-12763 и от 12.03.18 № 305-ЭС17-17342 фактически в деле о банкротстве потенциально могут оспариваться любые юридические факты, если они негативно влияют на имущественную массу должника. Целью данных процессуальных действий является защита кредиторов от недобросовестного поведения должника и части его контрагентов, а также соблюдение принципов очередности и пропорциональности удовлетворения требований всех кредиторов.

Институт оспаривания сделок должника представляет собой **правовую гарантию** и предоставляет кредиторам действенный механизм наполнения конкурсной массы должника за счет неправомерно отчужденного имущества последнего.

Так, оспариваться могут действия, которые направлены на исполнение любых обязательств должника, сделки, совершенные третьими лицами за счет должника (пункты 1 и 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“»). Также оспариванию подлежат ненормативные правовые акты, оформляющие сделки по отчуждению имущества или прекращению имущественных прав должника.

На законодательном уровне интересы неудовлетворенных кредиторов как гражданско-правового сообщества признаются более значимыми по сравнению с интересами конкретных кредиторов, получивших имущественный актив за счет неплатежеспособного лица в индивидуальном порядке. Данное правило необходимо для **выравнивания положения** (возможности на получение удовлетворения) всех кредиторов, обладающих равным правовым статусом.

Кроме того, по общему правилу, если сделка совершается обществом, доля участия в котором принадлежит несостоятельному должнику, она не является сделкой, совершенной должником, и не обладает явными признаками сделки, совершенной за счет имущества должника.

Также уменьшение стоимости имущества общества влияет на стоимость доли его участника. Это, в свою очередь, нарушает права и законные интересы кредиторов данного лица, рассчитывающих на удовлетворение своих требований за счет конкурсной массы (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.01.21 по делу № А70-380/2018*).

Имущественные права кредиторов могут быть нарушены противоправными действиями должника-банкрота, выражающимися в искусственном уменьшении своей имущественной массы ниже пределов, которые обеспечивают выполнение принятых им на себя долговых обязательств. В связи с этим законодательством предусмотрен правовой механизм оспаривания сделок, совершенных в **преддверии банкротства**. Подобные сделки могут быть признаны недействительными по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве (пункт 1 статьи 61.1 Закона о банкротстве, пункт 4 постановления

Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“»). В целях соблюдения баланса интересов должника, его контрагента по сделке и кредиторов должника, стабильности гражданского оборота определяются критерии подозрительности сделки и временной период ее проверки. При этом передача дела о банкротстве по подсудности на рассмотрение другого арбитражного суда не изменяет исчисление указанного периода.

В целях уклонения от ответственности контролирующие деятельность должника лица могут выборочно погашать требования отдельно взятых кредиторов. Подобные действия являются недобросовестными.

Сделки могут совершаться в искусственно созданных самим должником условиях видимости его финансового благополучия, но в действительности быть направленными на вывод ликвидных активов должника с недобросовестными намерениями.

В целях проверки законности совершаемых должником сделок необходимо учитывать: 1) продолжал ли он свою хозяйственную деятельность; 2) носила ли данная деятельность социальный характер; 3) относятся ли оспариваемые сделки к категории обычных хозяйственных (пункт 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве).

В случае установления судами иного периода проверки совершенных должником сделок ранее проверенные сделки должника, а также сформированный реестр требований кредиторов пересмотру не подлежат (глава 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), пункт 6 статьи 16 Закона о банкротстве). В противном случае нарушается принцип правовой определенности и дестабилизируются сложившиеся материальные правоотношения (*определение СКЭС ВС РФ от 04.03.21 № 305-ЭС17-2507(21)*).

Должником могут совершаться так называемые мнимые сделки.

Сделка признается мнимой, если стороны договора с самого начала не имели намерения создать реальные правовые последствия, которые указывались в составленных ими документах.

В конкретном примере на момент заключения сделки продавец не намеревался передавать покупателю товар в собственность, а последний, в свою очередь, не намеревался принимать и оплачивать товар. Фактически отношения по поставке товара между ними не возникли.

К требованию о признании мнимой сделки недействительной применим трехлетний, а не годичный срок исковой давности (пункт 1 статьи 181 ГК РФ).

Предъявление конкурсным управляющим общества-должника иска о признании сделки недействительной призвано оградить имущество должника от посягательств контрагента по мнимому договору. Такой контрагент может быть включен в реестр требований кредиторов должника и претендовать на получение цены по договору за счет конкурсной массы. Действия конкурсного управляющего

позволят сохранить данную массу для удовлетворения требований **реальных кредиторов**.

Конкурсный управляющий занимает место органов управления должника. Ранее действовавшие органы управления, непосредственно совершая сделку, могут быть заинтересованы наряду с обществом в сокрытии от других кредиторов **истинных мотивов своего поведения**. Подача в таком случае иска о признании сделки мнимой связана не с самим фактом заключения договора поставки и его исполнением в соответствии с **подлинной волей участников**, а с наступлением последствий от искусственно созданной сторонами договора поставки **видимости исполнения** и имеет своей целью устранение этих последствий. При таких условиях по смыслу пункта 1 статьи 181 ГК РФ начало течения срока давности определяется моментом, с которого конкурсный управляющий должен был узнать о формальном характере начала исполнения мнимого договора, направленного на безосновательное получение одним из кредиторов денежных средств из конкурсной массы должника.

Также следует проверять, исполнен ли в реальности оспариваемый договор поставки сторонами (*определение СКЭС ВС РФ от 18.03.21 № 304-ЭС18-4037(9)*).

Условия сделок, совершаемых должником, не могут произвольно меняться.

Как отмечается в судебной практике, само по себе открытие конкурсного производства и последовавшее за этим изменение адреса должника не может сопровождаться изменением условий договоров либо иных сделок об адресе направления юридически значимого сообщения. В противном случае допускается возможность изменения условий договора (или иной сделки) в одностороннем порядке в отсутствие воли кредитора по обязательству, что не соответствует закону (*определение СКЭС ВС РФ от 01.12.20 № 302-ЭС19-16365(3)*).

Не всякая сделка, совершенная должником, подлежит признанию недействительной.

Так, само по себе ухудшение финансового состояния работодателя, его **объективное банкротство** не ограничивают права обычных работников на получение всего комплекса гарантий, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации.

Индексация заработной платы работника, произведенная работодателем перед банкротством и в процедурах несостоятельности, предоставление компенсации за выполнение дополнительной работы не являются подозрительными сделками и не подлежат признанию недействительными.

В то же время возможны ситуации, когда имущество должника выводится за счет **завышенных выплат заработной платы работникам**.

При оспаривании дополнительных соглашений к трудовому договору как сделок на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве в любом случае необходимо определить встречное исполнение со стороны работника. Для этого сравниваются спорные условия о повышении его должностного оклада с

аналогичными соглашениями, которые заключались иными участниками оборота — работодателями (пункт 8 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“»). Если заработная плата работника повышается так же, как на других однородных предприятиях, такие действия работодателя — впоследствии должника — не причиняют вреда кредиторам (*определение СКЭС ВС РФ от 21.12.20 № 305-ЭС17-9623(7)*).

В подобных случаях в целях исключения злоупотреблений нужно, по всей видимости, исследовать повышение заработной платы большого числа работников, а не выборочно.

3.2. Субсидиарная ответственность в банкротстве

При наличии у юридического лица признаков несостоятельности (банкротства) в первую очередь необходимо проверить действия его руководящих органов на предмет их разумности и добросовестности. При этом нужно учитывать следующее.

Если в отношении юридического лица не вводилась процедура банкротства, решением арбитражного суда общество несостоятельным не признавалось, применение норм Закона о банкротстве при рассмотрении дела с участием данного юридического лица нельзя признать правильным.

Также само по себе исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа не свидетельствует о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора общества.

Если действия (бездействие) директора повлекли убытки, но не выходили за **пределы обычного делового (предпринимательского) риска**, он не может быть привлечен к субсидиарной ответственности.

Бремя доказывания неразумности или недобросовестности действий руководителя, которые причинили юридическому лицу убытки, лежит на заявителе по делу.

Недобросовестность действий (бездействия) директора может подтверждаться следующими обстоятельствами:

1) наличие конфликта между личными интересами руководителя (интересами его аффилированных лиц) и интересами юридического лица; совершение юридическим лицом сделки при наличии фактической заинтересованности в этом его руководителя. Ответственность не наступает в случаях, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке;

2) сокрытие информации о совершенной руководителем сделке от участников юридического лица (в частности, если сведения о такой сделке в

нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставление участникам юридического лица недостоверной информации в отношении соответствующей сделки;

3) совершение сделки без одобрения компетентных органов юридического лица в нарушение требований закона или устава организации;

4) после прекращения полномочий уклонение бывшего руководителя от передачи юридическому лицу документов об обстоятельствах, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;

5) осведомленность руководителя о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершение сделки на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-однодневкой и т. п.) (*определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.12.20 № 66-КГ20-10-К8*).

Стоит отметить, что приведенный перечень оснований для привлечения к ответственности не является исчерпывающим.

3.3. Арбитражный (конкурсный) управляющий

Эффективность процедур банкротства во многом зависит от действий арбитражного (конкурсного) управляющего, о чем неоднократно упоминает судебная практика.

Конкурсный управляющий проводит мероприятия по формированию конкурсной массы и реализации имущества (активов) должника для проведения расчетов с кредиторами. Он осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления (статья 129 Закона о банкротстве) и несет самостоятельную обязанность действовать в интересах должника и его кредиторов добросовестно и разумно (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

Критерии добросовестности действий (бездействия) управляющего разъяснены в абзаце третьем пункта 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.15 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Добросовестные действия управляющего должны соответствовать поведению, ожидаемому от любого независимого профессионального управляющего, находящегося в сходной ситуации и учитывающего права и законные интересы гражданско-правового сообщества кредиторов, а не отдельных лиц.

Отмечается, что наиболее выгодным способом использования имущества является договор аренды, который, как правило, позволяет собственнику получить доход свыше расходов на содержание передаваемой в аренду вещи. Если же имущество передано на условиях ответственного хранения, управляющий как антикризисный менеджер должен проанализировать

целесообразность дальнейшего его использования сторонней организацией на прежних условиях.

Подлежит выяснить, имеются ли объективные препятствия к незамедлительной продаже актива, учесть соотношение затрат на содержание имущества и его реальную доходность, исключить возможность неполучения должником всей выгоды от такого имущества, оценить и подготовить к реализации имущество и прочее.

Даже если прекращение ранее возникших договорных отношений по поводу имущества должника является **экономически невыгодным**, их продолжение не должно превышать периода для выполнения **эффективным арбитражным управляющим** всех предусмотренных законом процедур по отчуждению принадлежащих должнику объектов и расчетов с кредиторами.

Арбитражный управляющий не вправе возлагать обязанность по анализу сложившейся ситуации, разработке плана действий по ее изменению на кредиторов, в том числе залоговых. Управляющий может взаимодействовать с кредиторами, например путем проведения консультаций. **Пассивное поведение кредиторов не оправдывает бездействие управляющего.** На кредиторах, в отличие от конкурсного управляющего, не лежит **обязанность по установлению наиболее продуктивного способа распоряжения имуществом должника** (определение СКЭС ВС РФ от 21.01.21 № 304-ЭС16-17267(2,3)).

Согласно судебной практике принятие решения о выборе кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из числа членов которой утверждается управляющий, отнесено к исключительной компетенции собрания кредиторов (абзац шестой пункта 2 статьи 12 Закона о банкротстве). Воля кредиторов может быть направлена на избрание конкурсного управляющего, являющегося членом иной саморегулируемой организации, не той, что была отобрана кредиторами ранее.

Изменение гражданско-правовым сообществом, объединяющим кредиторов, позиции относительно наиболее предпочтительной, с их точки зрения, кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации правомерно, не запрещено Законом о банкротстве. В данном случае в действиях кредиторов отсутствуют признаки злоупотребления правом, если такое изменение произошло до момента утверждения арбитражного управляющего судом (пункт 3 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства, утвержденного Президиумом ВС РФ 26 декабря 2018 года, *определение СКЭС ВС РФ от 26.04.18 № 305-ЭС17-17321*).

Отмечено, что попытка миноритарных кредиторов навязать свою волю другим кредиторам, обладающим преобладающим числом голосов, нарушает **принцип юридического равенства всех конкурсных кредиторов** (определение СКЭС ВС РФ от 25.03.21 № 303-ЭС19-9613(2)).

Арбитражный управляющий не должен зависеть от кредиторов или должника, он должен быть самостоятельной фигурой.

Согласно пункту 27.1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом ВС РФ 20 декабря 2016 года, временный управляющий в деле о банкротстве не подлежит утверждению, если его кандидатуру предложил кредитор, аффилированный по отношению к должнику.

Данное положение направлено на обеспечение **независимости и беспристрастности арбитражного управляющего**. Кроме того, в соответствии с пунктом 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом ВС РФ 29 января 2020 года, на собрании кредиторов при определении кандидатуры арбитражного управляющего не учитываются голоса лиц, контролирующих должника.

Согласно *определениям СКЭС ВС РФ от 26.05.17 № 306-ЭС16-20056(6) и от 15.06.16 № 308-ЭС16-1475* общность экономических интересов и аффилированность может быть как юридической (например, принадлежность к одной группе компаний через корпоративное участие), так и фактической.

По смыслу абзаца двадцать шестого статьи 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» возможны ситуации, когда структура корпоративного участия и управления не отвечает формальным критериям группы лиц, однако позволяет оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности.

Фактическая аффилированность проявляется через поведение лиц в хозяйственном обороте. О фактической аффилированности сторон могут также свидетельствовать следующие обстоятельства: 1) единый адрес регистрации юридических лиц; 2) единые номера ОКВЭД; 3) открытие расчетных счетов в одних и тех же банках; 4) представление интересов участников группы в судебных делах одними и теми же представителями.

Указанные обстоятельства не являются автоматическим свидетельством аффилированности и подлежат оценке наряду с другими обстоятельствами.

Если представлены доказательства, что, например, лицо, заявившее о включении требований в реестр, либо ответчик по требованию о признании сделки недействительной являются аффилированными по отношению к должнику лицами, на них переходит бремя по опровержению соответствующего обстоятельства (*определение СКЭС ВС РФ от 26.05.17 № 306-ЭС16-20056(6), постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.21 по делу № А41-98875/2019*).

Впрочем, ответчик не обязан оспаривать свою аффилированность по отношению к должнику, это скорее является правом, которым он может и не воспользоваться.

3.4. Процессуальные вопросы банкротства

По теме процессуальных вопросов в делах о банкротстве прежде всего следует рассмотреть полномочия суда.

На основании пункта 10 статьи 16 Закона о банкротстве, если требования кредиторов или уполномоченных органов подтверждены вступившим в законную силу решением суда, разногласия по требованиям в части их состава и размера подлежат возврату без рассмотрения. Данное правило не применимо в отношении разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Указанное положение соответствует принципу обязательности судебного акта, закрепленному в части 1 статьи 16 АПК РФ (*постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.21 по делу № А41-98875/2019*).

Согласно разъяснениям, приведенным в пункте 24 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.15 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», конкурсные кредиторы и уполномоченный орган вправе, по общему правилу, предъявить свои требования к должнику в течение двух месяцев со дня опубликования сведений о признании должника банкротом и введении процедуры реализации его имущества (абзац третий пункта 1 статьи 142 Закона о банкротстве). Данный срок, пропущенный по уважительной причине, может быть восстановлен судом по ходатайству конкурсного кредитора или уполномоченного органа. Вопрос о восстановлении срока рассматривается в судебном заседании. Отказ в восстановлении срока может быть обжалован по правилам пункта 3 статьи 61 Закона о банкротстве.

Для восстановления срока в качестве уважительных причин признаются следующие обстоятельства: 1) часть периода времени, в течение которого могло быть подано требование, попадает на дни, объявленные нерабочими, в которые деятельность организаций и передвижение граждан были существенно ограничены; 2) у заявителя не было технической возможности направить заявление электронным способом в связи с отсутствием электронной цифровой подписи и возможности ее изготовления; 3) не установлены обстоятельства, которые свидетельствовали бы о недобросовестном либо неразумном поведении заявителя.

Восстановление срока в таких случаях будет способствовать балансу между принципом правовой определенности и **правом на справедливое судебное разбирательство** (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.21 по делу № А56-92063/2019/з.1*).

Имущества, находящегося у должника (с учетом планируемых поступлений), может быть недостаточно для возмещения судебных расходов на проведение процедур банкротства, в том числе на выплату вознаграждения арбитражному управляющему. В этом случае судья по своей инициативе либо ходатайству лиц, участвующих в деле, рассматривает вопрос о прекращении производства по делу.

У лиц, участвующих в деле, запрашивается согласие на финансирование процедуры банкротства. Если такое согласие не поступает, производство по делу о банкротстве подлежит прекращению (абзац восьмой пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве, пункт 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.09 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве»).

Указанное согласие на финансирование выражается в форме внесения на депозитный счет суда денежных средств. Необходимость истребования такого согласия возникает лишь при отсутствии у должника имущества, достаточного для погашения расходов по делу о банкротстве. Таким образом, для прекращения производства по делу о банкротстве по указанным основаниям необходимо установить в первую очередь **недостаточность имущества должника**.

На суд возлагается обязанность правильно распределить бремя доказывания фактических обстоятельств на процессуальных оппонентов, в том числе принимая во внимание их материально-правовые интересы (статья 9 АПК РФ).

Если недостаточность средств должника для возмещения судебных расходов в процедуре банкротства не доказана, отсутствуют основания для возложения обязанности по финансированию на одного из кредиторов. Последующее прекращение производства по делу в таком случае является преждевременным (*определение СКЭС ВС РФ от 20.02.21 № 305-ЭС20-17918*).

У должника по делам о банкротстве имеются процессуальные права, которые не должны нарушаться его оппонентами и подлежат обеспечению со стороны суда.

Граждане в процедуре банкротства (реализации имущества) претерпевают негативные последствия в связи с ухудшением ранее существовавших жилищных условий. С учетом этого при рассмотрении таких дел необходимо обеспечить баланс между имущественными интересами кредиторов и личными правами (правами на достойную жизнь) гражданина-должника.

В конкретном примере квартиры гражданина-должника, подлежащие реализации, были объединены, оборудован единственный вход, устранены межквартирные перегородки.

В такой ситуации ключевое значение для решения вопроса о допустимости реализации одной из квартир должника имеет: 1) во-первых, добросовестность должника при осуществлении действий по их объединению; 2) во-вторых, соразмерность затрат, необходимых для фактического разделения помещений на две функционально обособленные квартиры (установка перегородок, отдельные

входы, оборудование в каждой квартире кухонь, санузлов и т. п.), выгоде для конкурсной массы в случае продажи одной из квартир (имущество может находиться в совместной собственности супругов, один из которых является должником).

В случае если до возбуждения дела о банкротстве квартиры действительно были обособлены друг от друга (юридически и функционально), действия должника по осуществлению перепланировки и их объединению в связи с угрозой обращения взыскания на одну из квартир могут быть квалифицированы как недобросовестные.

Вместе с тем возможно, что фактическое объединение квартир произошло значительно раньше возбуждения дела о банкротстве. Действия должника, направленные на оформление перепланировки, могут быть необходимы для внесения ясности в уже существующий статус имущества для проведения банкротных процедур. В таком случае поведение должника является, скорее, **неосмотрительным (неразумным)**, чем недобросовестным. Здесь следует выяснить причины длительности ремонтных работ с учетом даты приобретения квартир.

Кроме того, если части имущества несостоятельного лица достаточно для удовлетворения требований кредиторов, должник вправе сам определить, на какое имущество следует обращать взыскание (*определение СКЭС ВС РФ от 28.01.21 № 309-ЭС20-15448*).

Также существуют определенные виды доходов, которые не подлежат включению в конкурсную массу должника.

Согласно пункту 2 постановления Правительства Российской Федерации от 30.10.20 № 1762 в целях государственной социальной поддержки медицинских и иных работников медицинских и иных организаций (их структурных подразделений) (за исключением организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, в которых федеральными законами предусмотрена военная или приравненная к ней служба) ежемесячно в период с 1 ноября 2020 года по 31 декабря 2021 года производятся специальные социальные выплаты за нормативную смену, определяемую как одна пятая продолжительности рабочего времени в неделю, установленной для соответствующей категории работников в организации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В судебной практике отмечается, что выплаты, осуществляемые медицинским работникам в условиях коронавирусной инфекции на основании постановления Правительства Российской Федерации от 30.10.20 № 1762, а также денежные средства, поступающие от медицинского учреждения медицинскому работнику в качестве материальной помощи, не подлежат включению в конкурсную массу при банкротстве работника. На данные выплаты не может быть обращено взыскание на основании подпункта 6 пункта 1 статьи 101 Федерального закона от 02.10.07 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

(постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.21 по делу № А12-25108/2020).

Также к числу процессуальных полагаем необходимым отнести следующий пример из судебной практики.

В соответствии со статьями 201.1, 201.2, 201.4, 201.5 Закона о банкротстве уравнивается правовой режим передачи от должника-застройщика участнику строительства — физическому лицу жилого помещения, машино-места и нежилого помещения.

Места под размещение транспортного средства и (или) небольшое нежилое помещение для хранения вещей (кладовка) как объекты недвижимости обладают **исключительной потребительской ценностью** для жителей многоквартирного дома (жилого комплекса), в котором эти объекты расположены.

В подпункте 3.1 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве понятия машино-места и нежилого помещения различаются. Для нежилого помещения установлена максимально допустимая площадь, тогда как в отношении машино-места данной нормой права ограничения по размеру площади не предусмотрены (часть 6.2 статьи 24 Федерального закона от 13.07.15 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») (*определение СКЭС ВС РФ от 21.01.21 № 307-ЭС20-4804(7)*).

4. Антимонопольная практика

4.1. Общие положения

По данной теме отмечается процессуальная активность высшей судебной инстанции в виде принятия обобщающего документа — постановления по практике рассмотрения антимонопольных споров.

Речь идет о постановлении Пленума ВС РФ от 04.03.21 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 2). Если сравнить его название с предыдущим постановлением Пленума ВАС РФ от 30.06.08 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», то можно увидеть, что теперь высшая судебная инстанция допускает применение антимонопольного законодательства не только арбитражными судами, но и судами общей юрисдикции, что свидетельствует об **универсализации норм антимонопольного законодательства**, о вовлеченности в сферу его регулирования большего числа общественных отношений.

Отмечается, что антимонопольное законодательство базируется на следующих положениях ГК РФ: 1) о признании равенства участников регулируемых им отношений, свободы договора, необходимости

беспрепятственного осуществления гражданских прав и обеспечения восстановления нарушенных прав (пункт 1 статьи 1); 2) о добросовестности действий участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и недопустимости извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения, в том числе использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке (пункты 3 и 4 статьи 1, пункт 1 статьи 10) (пункт 1 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Таким образом, антимонопольное законодательство регулирует гражданско-правовые отношения и можно говорить о его смешанном частно-публичном характере, сочетающем нормы гражданского и административного законодательства.

По общему правилу, законодательство о защите конкуренции не имеет обратной силы, то есть применяется только к правоотношениям, возникшим после вступления его в законную силу.

Если вновь принятый закон в сфере защиты конкуренции устанавливает иные обязательные для сторон правила, чем те, которые действовали при заключении договора, в том числе ограничивающие свободу договора, вводящие новые требования к определению условий договора, включая цену, то согласно пункту 2 статьи 422 ГК РФ условия заключенного договора сохраняют силу. Однако в законе может быть прямо установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров (пункт 4 постановления Пленума ВС РФ № 2).

ВС РФ также высказал свою позицию по субъектному составу лиц, на которых распространяются требования антимонопольного законодательства.

Так, даже если лицо непосредственно не получает доход от совершения отдельных операций на товарных рынках, на него могут распространяться требования, установленные антимонопольным законодательством по отношению к хозяйствующим субъектам. Например, коммерческая организация может передавать товары потребителям без оплаты с их стороны. Однако если впоследствии организация получит доход от технического обслуживания товара, извлечет выгоду, то в этом случае на нее распространяются антимонопольные условия. В равной мере требования антимонопольного законодательства распространяются и на государственные (муниципальные) учреждения.

Некоммерческая организация может объединять коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей, представлять их экономические интересы, влияющие на конкуренцию на товарных рынках. Если некоммерческая организация способна оказать влияние на общие условия обращения товаров на рынке и позволяет извлекать доход своим членам из предложения товаров на рынке, то есть является профессиональным объединением субъектов рынка, на нее могут быть распространены требования статьей 10 и 14.1–14.8 Федерального закона от 26.07.06 № 135-ФЗ «О защите

конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) (запреты на злоупотребление доминирующим положением на рынке и недобросовестную конкуренцию).

В свою очередь, коммерческие организации и другие лица, которые участвуют в благотворительности, предоставляют социальную помощь гражданам, а также осуществляют иную общепольную деятельность, не связанную с извлечением выгоды из обращения товаров на рынке, не могут быть признаны хозяйствующими субъектами в значении антимонопольного законодательства (пункт 6 постановления Пленума ВС РФ № 2).

По теме субъектов, на которых распространяются требования антимонопольного законодательства, предметом судебного разбирательства был вопрос, может ли Российский союз автостраховщиков (РСА) — некоммерческая организация — быть привлечен к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Согласно позиции судов, рассматривавших дело в апелляционной и кассационной инстанциях, **доминирующее положение на соответствующем рынке не может возникнуть вне связи с осуществлением предпринимательской деятельности.** У РСА имеются полномочия формировать справочники (определять условия выплаты страхового возмещения), что не является платной услугой и не направлено на извлечение прибыли и иной экономической выгоды. РСА не оказывает страховые услуги, страхователи и выгодоприобретатели не являются потребителями его услуг, следовательно, по мнению судов, отсутствуют товар и товарный рынок в понимании, предусмотренном Законом о защите конкуренции.

ВС РФ отметил, что на основании пункта 1 части 1 статьи 1, части 7 статьи 4 Закона о защите конкуренции **меры предупреждения и пресечения монополистической деятельности установлены в публичном интересе** — они направлены на исключение ситуаций, при которых один или несколько хозяйствующих субъектов обладают возможностью своими действиями в одностороннем порядке влиять на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

При устранении негативного воздействия лиц, занимающих доминирующее положение, также защищаются права и законные интересы иных участников рынка, включая потребителей.

Антимонопольные требования распространяются на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, даже когда экономические возможности таких лиц предопределены нормативным регулированием.

На основании пункта 4 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.08 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (утратил силу) хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение, должен использовать свою

рыночную власть по отношению к иным участникам рынка, в том числе потребителям, разумно и обоснованно.

Согласно пункту 1 статьи 24 и пункту 1 статьи 25 Федерального закона от 25.04.02 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» РСА выступает коллективным представителем (объединением) продавцов финансовых услуг на рынке ОСАГО — страховщиков, защищает их интересы, связан с ними экономически, в том числе посредством формирования имущества некоммерческой организации за счет членских взносов. РСА имеет возможность влиять на размер страхового возмещения, выплачиваемого потребителям, и может рассматриваться в качестве хозяйствующего субъекта, вовлеченного в функционирование рынка страхования по ОСАГО и обладающего интересом в извлечении дохода из своего участия на указанном рынке.

В силу нормативно закреплённой возможности единолично определять условия выплаты страхового возмещения потребителям данная организация занимает доминирующее положение на рынке услуг ОСАГО в качестве коллективного представителя интересов страховщиков. Также с учетом полномочий и статуса РСА имеет возможность воздействовать на общие условия оказания услуг потребителям на рынке ОСАГО.

По конкретному делу установлено, что РСА оказал влияние на достоверность определения размера расходов на восстановительный ремонт транспортных средств. Данные действия совершены к выгоде страховщиков, чьим коллективным представителем (объединением) некоммерческая организация является в силу закона и своих учредительных документов, и в ущерб потребителям финансовой услуги — владельцам транспортных средств (страхователям).

В связи с этим действия РСА правомерно квалифицированы антимонопольным органом в качестве антиконкурентного и недобросовестного поведения, затрагивающего права и законные интересы неопределенного круга потребителей (*определение СКЭС ВС РФ от 16.03.18 № 306-КГ17-17947*).

Стоит отметить, что представляется спорным с юридической точки зрения применение к действиям РСА термина «полномочия». Данный термин более применим к органам публичной власти, которым указанная некоммерческая организация не является.

Закон о защите конкуренции направлен также на защиту прав и законных интересов **потребителей** как **отдельной категории участников рынка**, приобретающих товары (работы и услуги) для удовлетворения личных нужд (статья 3, пункты 4 и 23 статьи 4 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, потребители определены правоприменителем как отдельная категория участников рынка.

Права и законные интересы потребителей как категории участников рынка могут быть напрямую затронуты, в частности, в случаях злоупотребления

хозяйствующими субъектами доминирующим положением на соответствующем рынке (статья 10 Закона о защите конкуренции), при совершении хозяйствующими субъектами актов недобросовестной конкуренции (пункт 9 статьи 4, статьи 14.1–14.8 Закона о защите конкуренции).

Антимонопольный закон связывает применение его положений с наличием неопределенного круга потребителей (например, часть 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции). При этом точное определение числа потребителей на определенный момент не имеет значения для соблюдения антимонопольных запретов. Необходимо оценивать потенциальную возможность нарушения в целом прав потребителей как участников рынка (отдельных групп потребителей) в результате допущенных соответствующим субъектом нарушений, их характер, наступившие последствия или последствия, которые могут наступить в будущем (пункт 10 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Субъекты могут действовать на товарном рынке коллективно.

На основании части 2 статьи 9 Закона о защите конкуренции требования к поведению (действиям, бездействию) на товарном рынке хозяйствующего субъекта, по общему правилу, распространяются на действия (бездействие) группы лиц.

По смыслу данной нормы для целей применения антимонопольных запретов группа лиц рассматривается как один участник рынка. Поведение действующей **в общем экономическом интересе** группы лиц в отношении третьих лиц (иных участников рынка) допустимо, если не противоречит существу антимонопольных запретов, положениям Закона о защите конкуренции.

Если лицо, формально вошедшее в группу лиц, в действительности **автономно в определении своего поведения на товарном рынке**, например в связи с отсутствием у других участников группы достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение, к нему может не применяться правовой режим этой группы. Наличие родства между участниками организаций само по себе не означает, что данные организации входят в группу лиц. Родственные связи могут не использоваться в практической деятельности (пункт 7 постановления Пленума ВС РФ № 2).

4.2. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта на рынке, злоупотребление им

Доминирующее положение хозяйствующего субъекта на рынке является центральной категорией антимонопольного законодательства. С ним связана угроза причинения вреда конкуренции.

В силу части 1 статьи 5 Закона о защите конкуренции доминирование хозяйствующего субъекта на товарном рынке означает, что **влияние** такого лица на общие условия обращения товара **является решающим**.

Монополистическая деятельность приводит к негативному влиянию на конкуренцию, а также ущемлению интересов иных лиц действиями хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение. Данная деятельность **осуществляется с использованием рыночного положения и обеспечивается наличием рыночной силы** (*постановление Президиума ВАС РФ от 30.07.12 № 1063/12*).

С учетом положений части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, пунктов 3–4 статьи 1, абзаца второго пункта 1 статьи 10 ГК РФ на хозяйствующих субъектах, занимающих доминирующее положение, возлагается **общая обязанность воздерживаться** от такого использования своей рыночной силы, которое бы приводило к негативным последствиям для конкуренции и (или) к непосредственному причинению ущерба иным участникам рынка, включая потребителей, к выгоде доминирующего хозяйствующего субъекта.

Для целей применения части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции невозможность определить точное число пострадавших потребителей не должно ограничивать действие запрета злоупотребления правом для доминирующих на рынке субъектов, поскольку такое ограничение не отвечает принципу равенства всех перед законом. Если число пострадавших потребителей не может быть определено точно, это не означает, что нарушение является единичным. Важно установить, что действия доминирующего хозяйствующего субъекта могут затрагивать интересы и других потребителей.

В конкретном примере злоупотреблением доминирующим положением признаны действия хозяйствующего субъекта по взиманию платы за уборку территории вокруг контейнеров с потребителей как экономически зависимой стороны отношений, а также избранный обществом способ заключения и исполнения договоров с потребителями, который носит ограничивающий конкуренцию характер (*определение СКЭС ВС РФ от 20.12.17 № 310-КГ17-12130*).

По смыслу взаимосвязанных положений пунктов 4 и 7 статьи 4, части 1 статьи 5 Закона о защите конкуренции хозяйствующий субъект, занимая доминирующее положение на рынке, имеет возможность **действовать независимо** от конкурентов и потребителей (в том числе приобретающих товары для удовлетворения предпринимательских нужд) на рынке определенного товара. Такой субъект может самостоятельно в одностороннем порядке:

- 1) оказывать **решающее влияние** на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке;
- 2) устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов;
- 3) затруднять им доступ на товарный рынок.

В целях установления доминирования хозяйствующего субъекта на товарном рынке оценивается его положение относительно существующих на рынке конкурентов (занимаемая доля на рынке), потенциальных конкурентов (возможность доступа на рынок) и потребителей.

Исходя из положений пунктов 1 и 2 части 1 статьи 5 Закона о защите конкуренции, по общему правилу, доминирующее положение предполагается, если доля хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара превышает пятьдесят процентов. Если доля хозяйствующего субъекта (за исключением финансовой организации) на рынке товара составляет менее чем пятьдесят процентов, доминирующее положение должно быть доказано антимонопольным органом с использованием иных критериев.

Иными критериями определения положения хозяйствующего субъекта на рынке является наличие (отсутствие):

1) административных барьеров для доступа на рынок потенциальных конкурентов (например, необходимость получения лицензий и разрешений для ведения определенной деятельности, обязательность получения согласия правообладателя на использование результатов интеллектуальной деятельности);

2) значимых экономических преимуществ у хозяйствующего субъекта (например, доступ к природным ресурсам, технологиям производства, рынкам капитала);

3) существенности (неординарности) затрат, которые понесут контрагенты хозяйствующего субъекта в случае перехода к приобретению товаров у иных поставщиков.

Если новые конкуренты на рынке не появляются, это не означает, что доминирование хозяйствующего субъекта имеет место.

Оценивая положение хозяйствующего субъекта — продавца по отношению к потребителям, суды вправе учитывать, могут ли потребители **противодействовать влиянию** хозяйствующего субъекта на товарном рынке. При этом, например, принимается во внимание значительность доли, занимаемой конкретными потребителями на рынке, и (или) коммерческая значимость потребителей для поставщика (пункт 8 постановления Пленума ВС РФ № 2).

На основании части 1 статьи 1, части 1 статьи 2, пункта 10 статьи 4, статьи 10 Закона о защите конкуренции доминирующее положение хозяйствующего субъекта на товарном рынке не является **объектом правового запрета**. Такой субъект свободен в осуществлении экономической деятельности и вправе конкурировать с иными хозяйствующими субъектами, действующими на том же рынке, выбирать контрагентов и предлагать экономически эффективные для него условия договора. Антимонопольным законодательством запрещается монополистическая деятельность — злоупотребление хозяйствующими субъектами своим доминирующим положением.

С учетом абзаца первого части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, пунктов 3, 4 статьи 1 и абзаца второго пункта 1 статьи 10 ГК РФ **злоупотреблением доминирующим положением признается поведение доминирующего на товарном рынке субъекта**, если оно выражается в следующих формах (в том числе в одной из них):

1) недопущение, ограничение, устранение конкуренции на товарных рынках (например, устранение конкурентов с товарного рынка, затруднение доступа на рынок новых конкурентов);

2) причинение вреда иным участникам рынка (хозяйствующим субъектам — конкурентам и **потребителям, гражданам-потребителям** как отдельной категории участников рынка) (таким образом, правоприменитель выделяет в качестве потребителя как гражданина, так и контрагента (организацию, индивидуального предпринимателя) по отношению к монополисту. — *Прим. авт.*).

Вредом также является извлечение необоснованной (монопольной) выгоды за счет участников рынка, иное подобное ущемление их прав.

Антимонопольный орган обязан доказать, что поведение хозяйствующего субъекта является злоупотреблением, допущенным в одной из указанных форм. Если действия (бездействие) прямо поименованы в пунктах 1–11 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган обязан доказать, что поведение хозяйствующего субъекта образует один из видов злоупотреблений, названных в указанных пунктах. (Перечень возможных злоупотреблений, как известно, не является исчерпывающим. — *Прим. авт.*)

В свою очередь, хозяйствующий субъект вправе доказывать, что его поведение не образует злоупотребления доминирующим положением, так как не способно привести к наступлению неблагоприятных последствий для конкуренции на рынке и (или) имеет **разумное оправдание**.

Необходимо учитывать законные интересы хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на рынке. К таким интересам относятся, например, соблюдение правил безопасности при осуществлении деятельности, необходимость выполнения иных обязательных и (или) обычных для соответствующей сферы деятельности требований, обеспечение экономической эффективности (экономии затрат) его собственной деятельности как участника рынка. Если предполагается, что злоупотребление доминирующего на рынке субъекта направлено на причинение вреда или иное ущемление прав других участников рынка, то такой субъект вправе доказывать, что его поведение экономически выгодно для контрагентов в результате взаимодействия с ним (пункт 11 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Доминирующее положение хозяйствующего субъекта и нарушение антимонопольного законодательства не являются тождественными понятиями. Запрещены действия (бездействие) доминирующего хозяйствующего субъекта, содержащие признаки нарушения антимонопольного законодательства (пункт 1.3 разъяснения Президиума Федеральной антимонопольной службы от 07.06.17 № 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции»).

Если хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение на рынке, нарушает требования гражданского и иного законодательства при вступлении в договорные отношения, исполнении договорных обязательств, в том числе путем недобросовестного поведения в отношении контрагентов, это само

по себе не свидетельствует о ведении хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, запрещенной согласно части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции.

(Данное положение было отражено и в пункте 5 ранее действовавшего постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.08 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», согласно которому антимонопольный орган не вправе разрешать гражданско-правовой спор между хозяйствующими субъектами. — *Прим. авт.*)

В связи с этим при возникновении спора суды должны установить признаки злоупотребления в соответствующей форме (например, направленность поведения на недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) причинение вреда, иное подобное ущемление прав участников рынка и усиление в связи с этим позиции лица, занимающего доминирующее положение). Также необходимо установить, являлось ли возможным совершение хозяйствующим субъектом определенных действий (бездействия), в том числе недобросовестных, по отношению к своим контрагентам (потребителям) в отсутствие доминирующего положения на рынке (пункт 12 постановления Пленума ВС РФ № 2).

С вышеизложенным перекликается позиция правоприменителя по вопросу недобросовестной конкуренции.

Если хозяйствующим субъектом при ведении своей деятельности нарушаются нормы гражданского и иного законодательства, в том числе неправомерно используется охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, это само по себе не означает совершение им **акта недобросовестной конкуренции** (пункт 30 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Теперь перейдем к составам злоупотребления доминирующим положением, которые также рассмотрены правоприменителем.

На основании статьи 6, пункта 1 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции злоупотреблением может быть признано установление (поддержание) доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом монопольно высокой цены.

По смыслу закона цена, установленная (применяемая) доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом, может быть признана **недопустимой** (монопольно высокой), если она превышает: 1) стоимость товара, обеспечивающую возмещение необходимых расходов и получение разумной прибыли, и 2) цену, которая сформировалась на сопоставимых конкурентных товарных рынках при их наличии (пункты 4 и 7 статьи 4, части 1 и 4 статьи 6 Закона о защите конкуренции). (Таким образом, монопольно высокая цена является недопустимой. — *Прим. авт.*)

При оценке необходимости расходов для обеспечения деятельности хозяйствующего субъекта принимаются во внимание их экономическая

оправданность, в том числе направленность на удовлетворение производственных потребностей субъекта, соответствие размера затрат обычной стоимости соответствующих благ, рыночная конъюнктура, в которой осуществлялись затраты. Например, экономически не оправданными для целей применения статьи 6 Закона о защите конкуренции могут быть признаны затраты, не имеющие отношения к производству и реализации товара, которые учитываются доминирующим на рынке субъектом при формировании цены товара. Экономически оправданными могут являться затраты, увеличение которых обусловлено ростом цен на рынке сырья, из которого производится товар.

Цена может быть увеличена необоснованно, но не отвечать признакам монопольно высоких цен. В случае если такое увеличение приводит к прекращению производства и (или) реализации товара контрагенту или способно повлечь наступление этих последствий, в том числе в отношении отдельных контрагентов, такое поведение может быть квалифицировано как злоупотребление доминирующим положением по основаниям, предусмотренным пунктами 4 и 5 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции (пункт 17 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Использование хозяйствующим субъектом своего положения на рынке для установления невыгодных условий договора или условий, не относящихся к предмету договора, может быть признано злоупотреблением доминирующим положением (пункт 3 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции).

Таковыми невыгодными условиями могут быть признаны условия, которые контрагент не принял бы исходя из своих **разумно понимаемых экономических (коммерческих) интересов** и которые позволяют доминирующему на рынке субъекту извлекать выгоду посредством ограничения свободы ведения экономической деятельности его контрагентов. Также необходимо учитывать, имеется ли у доминирующего на рынке хозяйствующего субъекта **законный интерес** в установлении соответствующих условий договора, соразмерны ли этому интересу налагаемые на контрагентов ограничения.

Навязанными невыгодными условиями, в частности, могут быть:

1) условие о продаже первого товара только при обязательной покупке второго (при этом первый товар может использоваться без второго или товары реализуются иными поставщиками по отдельности);

2) условие о необходимости впоследствии покупать навязанный дополнительный товар у конкретного производителя или пользоваться исключительно инфраструктурой определенного лица;

3) отказ предоставить гарантию качества на первый товар в случае отказа покупателя приобрести сопутствующий товар.

В то же время включение лицом, занимающим доминирующее положение, условий договора, отличающихся от условий аналогичных договоров (например, условия поставки основного и сопутствующих товаров), иные подобные

отклонения от обычной деловой практики сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении доминирующим положением (статья 421 ГК РФ, часть 2 статьи 1 Закона о защите конкуренции).

(В данном случае действуют положения о свободе договора и недопустимости произвольного вмешательства в формирование его условий без законных оснований (статья 421 ГК РФ). — *Прим. авт.*)

Вне зависимости от процедуры рассмотрения обстоятельств нарушения антимонопольным органом пострадавший в связи с вступлением в договорные отношения с доминирующим на рынке субъектом участник гражданского оборота может защищать свои права по правилам ГК РФ. Гражданские права могут быть нарушены при неравенстве переговорных возможностей, экономической зависимости одной стороны договора от другой и несправедливости условий договора, предложенных доминирующим на рынке субъектом (статьи 10, 428 ГК РФ) (пункт 14 постановления Пленума ВС РФ № 2).

(Иными словами, пострадавший хозяйствующий субъект вправе требовать возмещения ущерба, взыскания убытков в гражданско-правовом порядке с нарушителя антимонопольного законодательства независимо от привлечения последнего к административной или иной публичной ответственности. — *Прим. авт.*)

По смыслу пунктов 3, 8 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции антимонопольное нарушение в форме навязывания невыгодных и не относящихся к предмету договора условий и (или) установления дискриминационных условий пресекается как до, так и после заключения договора, в который включается подобное условие.

При этом если договор заключен без возражений другой стороны и исполняется, это само по себе не исключает возможность квалификации поведения доминирующего субъекта как злоупотребления (пункт 15 постановления Пленума ВС РФ № 2).

(Последнее положение еще раз свидетельствует о том, что нарушение антимонопольного законодательства, ограничение конкуренции — есть публичные правонарушения, нарушения публичного интереса, и они не зависят от частноправовой процедуры заключения гражданского договора между хозяйствующими субъектами. — *Прим. авт.*)

На основании пунктов 4 и 5 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции запрещаются:

- 1) экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара, в отношении которого имеется спрос;
- 2) экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение доминирующего на рынке субъекта от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара. Подобное поведение запрещено, в частности, если такому субъекту принадлежит доступ к объектам

инфраструктуры и ресурсам, например к инфраструктуре морских и речных портов, аэропортов, железнодорожных путей, системам газо- (водо-, тепло-, энерго-) снабжения, системам связи, платежным системам.

При этом перечисленные запреты не зависят от того, являются ли производство товара, заключение договора обязательными в соответствии с требованиями гражданского или иного законодательства, в частности, относится ли заключаемый доминирующим на рынке субъектом договор к категории публичных договоров.

Отказ доминирующего субъекта от производства (реализации) товара может быть продиктован отсутствием у него объективной возможности производства или реализации товара, в том числе с учетом внешних условий его функционирования на рынке, то есть экономически обоснован. Необходимо учитывать и **экономическую целесообразность** производства им товара (заключения договора) на собственных условиях или условиях, предложенных контрагентом, количество ресурсов, имеющихся в распоряжении хозяйствующего субъекта. Если возможность производства товара отсутствовала либо экономически нецелесообразна, поведение доминирующего хозяйствующего субъекта в виде отказа от заключения договора является правомерным. Кроме того, квалификация поведения хозяйствующего субъекта зависит от **реальной возможности** его контрагентов приобрести такой же или взаимозаменяемый товар у иных лиц.

Отказ от заключения договора по смыслу пункта 5 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции во взаимосвязи с подпунктом 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ может выражаться как в формальном отказе, так и в **неоправданном прекращении переговоров** о заключении договора. При этом такое прекращение производится в условиях, когда другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Также является нарушением предложение контрагенту (потребителю) таких условий, которые он объективно не мог принять, в том числе ввиду их явной невыгодности или противоречивости (**конструктивный отказ**) (пункт 16 постановления Пленума ВС РФ № 2).

В последнем случае речь уже идет о навязывании невыгодных условий договора, что также запрещено антимонопольным законодательством. Таким образом, на соответствие антимонопольному законодательству оценивается поведение хозяйствующего субъекта, доминирующего на рынке, не только при заключении, отказе от заключения договора, но и при ведении преддоговорных переговоров. В то же время антимонопольный орган не вправе диктовать хозяйствующим субъектам условия заключаемых между ними договоров, поскольку это должно являться предметом гражданско-правового спора.

Также любопытно, что в рассматриваемом постановлении Пленума ВС РФ достаточно часто употребляется термин «доминирующий хозяйствующий субъект». В Законе о защите конкуренции стандартной формулировкой является

«хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение на товарном рынке».

На основании пункта 6 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, по общему правилу, экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар может быть признано злоупотреблением доминирующим положением. Если иное не предусмотрено законом, доминирующий на рынке субъект не вправе устанавливать одинаковые цены (тарифы) на один и тот же товар без учета экономических, технологических и иных влияющих на стоимость товара различий при их передаче разным потребителям, в том числе на различных территориях. Такие действия могут быть признаны злоупотреблением доминирующим положением на основании пункта 8 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции.

При этом само по себе различие в ценах (тарифах), применяемых хозяйствующим субъектом в отношении разных потребителей или их категорий, либо отсутствие такого различия не является злоупотреблением. Здесь необходимо учитывать требования закона об отдельных видах договоров, разумность поведения хозяйствующего субъекта и объективные условия его деятельности на соответствующих рынках. В частности, допустимо устанавливать в публичных договорах различные цены для потребителей разных категорий исходя из объективных критериев (пункт 2 статьи 426 ГК РФ).

Разумно устанавливать различные цены (предоставлять скидки) в зависимости от объема приобретаемого покупателем товара, если этот критерий применяется ко всем контрагентам. Неразумно устанавливать разные цены (тарифы) на товары, реализуемые на одном товарном рынке, если отсутствуют значимые различия в затратах доминирующего хозяйствующего субъекта, необходимые для исполнения обязательств перед покупателями (потребителями), и различия в условиях введения товара в оборот (пункт 19 постановления Пленума ВС РФ № 2).

4.3. Коллективное доминирование

Согласно частям 1 и 3 статьи 5 Закона о защите конкуренции допускается признание хозяйствующих субъектов занимающими доминирующее положение на рынке как индивидуально, так и коллективно (пункт 9 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Коллективное доминирование возможно путем заключения соглашений или совершения согласованных действий. Если такое поведение приводит к ограничению конкуренции, оно запрещено и преследуется законодательством (статьи 11 и 11.1 Закона о защите конкуренции).

Само по себе взаимодействие хозяйствующих субъектов к **общей выгоде**, в том числе объединение их усилий, взаимное согласование и совместное

осуществление действий (бездействие) на товарном рынке (например, заключение договоров простого товарищества для ведения совместной деятельности; привлечение одним хозяйствующим субъектом другого в качестве соисполнителя (субподрядчика) по гражданско-правовому договору; участие хозяйствующих субъектов в решении общих проблем функционирования рынка в рамках деятельности профессиональных ассоциаций), антимонопольным законодательством не запрещается и не является ограничивающим конкуренцию соглашением или согласованным действием (пункт 20 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Таким образом, не всякая совместная деятельность хозяйствующих субъектов является ограничением конкуренции и нарушением антимонопольного законодательства.

Если в договоре, заключенном между хозяйствующими субъектами, содержатся условия, которые определяют их поведение во взаимоотношениях друг с другом и третьими лицами, это само по себе не означает, что стороны договора преследовали цель ограничения конкуренции. Необходимо учесть, каким ожидалось состояние рынка и положение его участников, если бы спорное соглашение отсутствовало. В случае реализации соглашения нужно установить его фактическое влияние на состояние конкуренции на соответствующем товарном рынке.

Участники соглашения вправе представить доводы, свидетельствующие о наличии у них разумных экономических и (или) обусловленных законодательством причин в достижении соответствующих договоренностей (пункт 27 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Наличие ограничивающего конкуренцию соглашения может подтверждаться тем, что несколько хозяйствующих субъектов намеренно следовали **общему плану поведения** (преследовали единую **противоправную цель**), который позволяет извлечь выгоду из недопущения (ограничения, устранения) конкуренции на товарном рынке.

Вместе с тем схожесть поведения нескольких хозяйствующих субъектов сама по себе не достаточна для вывода о наличии между ними ограничивающего конкуренцию соглашения. У хозяйствующих субъектов могут иметься иные причины для избранной модели поведения, например, если она соответствует сформировавшимся (изменившимся) на рынке условиям деятельности, обусловлена одинаковой оценкой ситуации на рынке со стороны хозяйствующих субъектов.

С учетом публичного характера антимонопольных запретов и презумпции добросовестности участников гражданского оборота на антимонопольный орган возлагается обязанность установить, что между хозяйствующими субъектами имеется соглашение, которое нарушает статью 11 Закона о защите конкуренции, а также определить состав участников соглашения (пункт 21 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Если ценовые условия приобретения товаров (условия получения скидок с цены) согласовываются между несколькими хозяйствующими субъектами — потребителями и поставщиком (поставщиками), это само по себе не свидетельствует, что такими потребителями достигнуто соглашение об установлении (о поддержании) определенного уровня цен, запрещенное согласно пункту 1 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции (пункт 23 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Запрещаются картели — соглашения хозяйствующих субъектов, которые приводят или могут привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах (пункт 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции).

Для вывода о наличии соглашения, запрещенного пунктом 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции, необходимо выявить причинно-следственную связь между действиями участников торгов и повышением, снижением или поддержанием цен на торгах. В частности, следует определить: 1) является ли достигнутый уровень снижения (повышения) цены обычным для торгов, которые проводятся в отношении определенных видов товаров; 2) имеются ли в поведении нескольких участников торгов признаки осуществления **единой стратегии**; 3) способно ли применение этой стратегии повлечь **извлечение выгоды из картеля** его участниками.

Одним из обстоятельств нарушения пункта 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции являются действия организатора торгов, которые привели или могли привести к ограничению возможности повышения (снижения) цены для потенциальных участников (например, начальная цена установлена в размере, не предполагающем ее значительного снижения или повышения в ходе торгов).

При этом пассивное поведение одного из участников торгов либо отказ от участия в торгах после подачи заявки сами по себе не подтверждают участие в ограничивающем конкуренцию соглашении на торгах. В частности, пунктом 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции не запрещено участие в торгах нескольких хозяйствующих субъектов. Такое участие не должно быть связано с повышением, снижением или поддержанием цен на торгах, но должно быть направленным на то, чтобы торги были признаны состоявшимися и к ним не применялись правила заключения договора с единственным участником (например, пункт 25 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.13 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», пункт 14 статьи 39.12 Земельного кодекса Российской Федерации) или последствия участия в торгах одного лица (пункт 5 статьи 447 ГК РФ) (пункт 24 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Особую разновидность соглашений, запрещенных антимонопольным законодательством, представляют так называемые вертикальные соглашения, под которыми понимаются соглашения между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар, и целью

и (или) результатом исполнения этих соглашений является ограничение конкуренции (статья 4 Закона о защите конкуренции).

Исходя из пункта 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции «вертикальными» соглашениями, запрещенными антимонопольным законодательством, могут быть добровольные договоренности, достигнутые между продавцом и покупателем товара в связи с существующими между ними гражданско-правовыми отношениями. Если соглашение навязывается лицом, доминирующим на рынке, к нему подлежит применению статья 10 Закона о защите конкуренции.

Также **недопустимо одновременно квалифицировать поведение хозяйствующих субъектов как ограничивающее конкуренцию соглашение и как координацию экономической деятельности** (пункт 26 постановления Пленума ВС РФ № 2).

4.4. Органы государственной власти и конкуренция

В конкурентные правоотношения могут вмешиваться органы публичной власти, причем как в позитивных, так и негативных формах.

При проверке условий, применяемых к хозяйствующим субъектам, на предмет их **дискриминационности (нарушения принципа равенства)**, необходимо оценивать **объективность** критериев, по которым проводится дифференциация прав и обязанностей хозяйствующих субъектов, выяснять, имеется ли **в действиях органов публичной власти** законная цель при установлении различий в условиях деятельности хозяйствующих субъектов и реализации их прав.

Если правовым актом устанавливаются (предоставляются) права и вытекающие из них преимущества на рынке для определенной категории хозяйствующих субъектов, это само по себе не свидетельствует о создании дискриминационных условий. В то же время такое регулирование должно допускаться законодательством и быть обусловленным **публичным интересом**. Например, преимущество может быть предоставлено для поддержки отдельных категорий хозяйствующих субъектов, определенных законодательством, в целях обеспечения социально-экономического развития региона (пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 2).

На основании пункта 2 части 1 статьи 1 Закона о защите конкуренции, если отсутствуют признаки нарушения конкуренции на товарных рынках, антимонопольные органы не вправе оспаривать обоснованность (целесообразность) принятия соответствующих правовых актов, совершения действий (бездействия) органами публичной власти в пределах предмета их ведения. Органы публичной власти вправе устанавливать иное, в том числе более благоприятное для конкуренции, регулирование в соответствующей сфере деятельности, более предпочтительный способ организации деятельности

публично-правового образования и удовлетворения потребностей граждан на территории публично-правового образования. Такая деятельность сама по себе не может служить основанием для вывода о нарушении статьи 15 Закона о защите конкуренции (пункт 34 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Интересы органов публичной власти затрагиваются при проведении закупок для государственных или муниципальных нужд.

Согласно позиции высшей судебной инстанции при оспаривании конкурентных закупок, договоров, заключенных по их результатам, судам необходимо проверять:

1) приводит ли совершенное действие (бездействие) к недопущению, ограничению или устранению конкуренции (нарушение статьи 17 Закона о защите конкуренции);

2) ущемляются ли права заявителя как участника рынка, имеется ли фактическая возможность для восстановления его прав, например, могло ли данное лицо стать победителем при отсутствии нарушений проведения процедуры, конкурентной закупки с учетом всей совокупности условий торгов (статьи 166, 449 ГК РФ, статья 17 Закона о защите конкуренции).

Антимонопольный орган при предъявлении им соответствующего иска также обязан доказать, что признание обязательной процедуры, конкурентной закупки и договора, заключенного по их результатам, недействительными и применение последствий недействительности приведут к восстановлению конкуренции на рынке и (или) позволят исключить продолжающееся нарушение конкуренции. Также применение последствий недействительности должно соответствовать социально-экономическим интересам государства (муниципального образования) и не нарушать их.

Иск о признании договора, заключенного по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки, недействительным подлежит удовлетворению при наличии соответствующих оснований независимо от **стадии исполнения договора**.

Лицо, которое должно было стать победителем, в случае признания закупки недействительной, даже если подобный иск им не предъявлялся, вправе требовать возмещения убытков (статьи 15, 393 ГК РФ) (пункт 43 постановления Пленума ВС РФ № 2).

4.5. Процессуальные вопросы по антимонопольным спорам

В данном подразделе остановимся на полномочиях антимонопольного органа, а также на праве хозяйствующего субъекта требовать возмещения ущерба, причиненного нарушением антимонопольного законодательства.

Как отмечается ВС РФ, приказы антимонопольного органа о назначении проверки, о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства, принимаемые в соответствии с частью 6 статьи 25.1, частью 1 статьи 39 Закона о

защите конкуренции, не относятся к актам, которыми разрешается вопрос о наличии в действиях лица соответствующих нарушений. Если оспариваются указанные акты, арбитражный суд должен проверить только основания их вынесения: не противоречат ли данные основания закону.

Например, недопустимо выносить приказ о проведении проверки в случаях: 1) выхода предмета проверки за пределы полномочий антимонопольного органа (части 3 и 5, пункт 4 части 7 статьи 25.1 Закона о защите конкуренции); 2) нарушения допустимой периодичности проведения плановых проверок (часть 3 статьи 25.1 Закона о защите конкуренции); 3) назначения внеплановой проверки в отсутствие установленных законом оснований, без необходимого в определенных случаях согласования с органом прокуратуры (части 4 и 5.1 статьи 25.1 Закона о защите конкуренции).

Оспаривание приказа о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства допускается по основаниям, которые исключают возможность возбуждения дела согласно части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции, например в связи с истечением к моменту возбуждения дела срока давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства (статья 41.1, пункт 5 части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции).

Если перед возбуждением дела о нарушении антимонопольного законодательства выдавалось предупреждение, то при оспаривании приказа о возбуждении дела суд в соответствии с пунктами 1, 2 и 7 части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции проверяет наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства на момент издания приказа. При этом учитываются действия по устранению нарушений (их последствий), предпринятые лицом, которому выдано предупреждение. Закон не исключает возможность устранения лицом признаков нарушения антимонопольного законодательства и последствий нарушений путем совершения действий, отличающихся от мер, указанных в предупреждении. Однако хозяйствующий субъект должен сообщить о принятых мерах или об отсутствии оснований для их применения в антимонопольный орган в срок, указанный в предупреждении, или в иной срок, установленный антимонопольным органом. К сообщению должны быть приложены документы, подтверждающие совершение необходимых действий.

Приказ о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства по статье 10 Закона о защите конкуренции может быть оспорен, если антимонопольный орган не установил доминирующее положение хозяйствующего субъекта, в частности, к моменту возбуждения дела не провел анализ состояния конкуренции в целях установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта (часть 8 статьи 5, пункт 3 части 2 статьи 23, часть 7 статьи 44 Закона о защите конкуренции) (пункт 51 постановления Пленума ВС РФ № 2).

На основании статьи 39.1 Закона о защите конкуренции возможна выдача антимонопольным органом предупреждения о прекращении действий

(бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства о защите конкуренции.

С учетом положений частей 1 и 4 статьи 39.1, пункта 7 части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции в предупреждении должны быть перечислены действия (бездействие) лица, которые, по мнению антимонопольного органа, нарушают законодательство о защите конкуренции. Также предупреждение должно предоставлять возможность лицу самостоятельно устранить допущенные нарушения, если таковые имели место в действительности, — в этом заключается цель предупреждения.

В предупреждении антимонопольного органа не могут устанавливаться факты нарушения законодательства о защите конкуренции и не может указываться на применение мер государственного принуждения. В частности, на стадии выдачи предупреждения к хозяйствующему субъекту не может применяться мера в виде перечисления в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, которая предусмотрена подпунктом «к» пункта 2 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции (пункт 46 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Предупреждение антимонопольного органа о прекращении действий, содержащих признаки нарушения законодательства о защите конкуренции, предшествует возбуждению дела о нарушении антимонопольного законодательства и устанавливает в действиях субъекта лишь признаки правонарушения. Применение меры ответственности в виде возложения на лицо обязанности перечислить доход в федеральный бюджет не согласуется с целями выдачи предупреждения, поскольку не направлено на устранение причин и условий, способствовавших возникновению нарушения, и устранение последствий такого нарушения. В связи с этим данная мера ответственности на стадии предупреждения противоречит положениям подпункта «к» пункта 2 части 1 статьи 23, статьи 39.1 Закона о защите конкуренции.

В частности, в силу части 3 статьи 51 Закона о защите конкуренции лицо, осуществляющее монополистическую деятельность или недобросовестную конкуренцию, по предписанию антимонопольного органа обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия).

Данная мера, как отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 24.06.09 № 11-П, имеет **компенсаторный характер** — восстанавливает баланс публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсирует таким образом **не подлежащие исчислению расходы государства**, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства. Ввиду этого допускается возможность применения данной меры за совершение деяний, связанных с монополистической деятельностью и

нарушением требований добросовестной конкуренции, параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер.

В то же время мера ответственности в виде перечисления в федеральный бюджет дохода должна основываться на конституционных принципах справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования. Лицо, к которому применяется мера государственного принуждения за нарушение антимонопольного законодательства, должно иметь возможность подтверждать свою невиновность в предусмотренных законом процедурах. На этом основании КС РФ признал, что статья 51 Закона о защите конкуренции не предполагает выдачу предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного хозяйствующим субъектом вследствие нарушения антимонопольного законодательства, без установления его вины, то есть без процедуры разбирательства дела антимонопольным органом или судом.

Таким образом, перечисление дохода хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет является **особой мерой** государственного принуждения и подлежит применению при следующих условиях: 1) в действиях хозяйствующего субъекта должен быть установлен факт нарушения антимонопольного законодательства; 2) данный факт устанавливается в надлежащей правовой процедуре, регламентированной Законом о защите конкуренции, в рамках которой хозяйствующему субъекту гарантируется право на защиту, дачу объяснений.

Применение мер государственного принуждения не является целью выносимого предупреждения.

При выдаче предупреждения антимонопольный орган согласно части 2 статьи 39.1 Закона о защите конкуренции не устанавливает факт допущенного нарушения. **Вопрос о виновности хозяйствующего субъекта в антимонопольном правонарушении при выдаче предупреждения также не исследуется.**

Факт нарушения антимонопольного законодательства и вина в его совершении устанавливаются антимонопольным органом в порядке, установленном главой 9 Закона о защите конкуренции, после возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Именно в рамках процедуры рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства предполагаемому нарушителю законом гарантируется право на защиту. Данное право включает в себя, помимо прочего: 1) право на ознакомление с доказательствами, собранными антимонопольным органом; 2) право на представление своих объяснений и доказательств; 3) право быть заслушанным комиссией антимонопольного органа в проводимом ею заседании (статьи 43 и 45 Закона о защите конкуренции) (*определение СКЭС ВС РФ от 17.01.20 № 309-ЭС19-19206*).

При нарушении установленного порядка рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства принятое по его итогам решение, предписание антимонопольного органа может быть признано недействительным. Однако допущенные нарушения должны носить существенный характер (часть 4 статьи 200 АПК РФ).

Существенные нарушения будут иметь последствия для лица, обратившегося в суд, а также влиять на исход дела. Существенными могут быть признаны следующие нарушения: 1) установление комиссией антимонопольного органа в действиях лица факта нарушения антимонопольного законодательства в отсутствие ранее выданного заключения об обстоятельствах дела; 2) принятие комиссией решения по истечении сроков давности, определенных статьей 41.1 Закона о защите конкуренции; 3) неуведомление лица о времени и месте рассмотрения дела антимонопольным органом; 4) принятие решения по делу в отсутствие кворума; 5) непредоставление лицам, в отношении которых ведется производство, возможности ознакомиться с материалами дела, в том числе с аналитическим отчетом о состоянии конкуренции на товарном рынке; 6) непредоставление возможности дать объяснения по делу до принятия решения (пункт 53 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Таким образом, перечисленные нарушения в основном носят процессуальный характер и перекликаются с общими нарушениями судебной процедуры, установленными АПК РФ.

При рассмотрении исков (заявлений) антимонопольных органов по фактам нарушения антимонопольного законодательства предполагаемый нарушитель может не принимать меры к оспариванию решений и (или) предписаний антимонопольного органа. Данное обстоятельство не свидетельствует о его согласии с заявленным требованием. На основании части 2 статьи 65, части 1 статьи 168 АПК РФ при рассмотрении подобных исков (заявлений) суд в любом случае должен проверить, соответствуют ли закону и обоснованы ли требования антимонопольного органа по существу, исходя из доводов сторон и подлежащих применению норм права (пункт 60 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Поскольку антимонопольное законодательство основано на публичном интересе и виновное лицо несет публичную ответственность, в отношении такого лица должна соблюдаться презумпция невиновности, то есть он не обязан доказывать отсутствие своей вины и даже принимать меры к оспариванию доводов другой стороны — публичного антимонопольного органа.

Возможны ситуации, когда права лиц нарушаются в результате несоблюдения требований антимонопольного законодательства иными участниками гражданского оборота. В этом случае пострадавшие лица вправе самостоятельно обратиться в соответствующий суд: 1) с иском о восстановлении нарушенных прав, в том числе с требованиями о понуждении к заключению договора, признании договора недействительным и применении последствий недействительности; 2) с иском о признании действий нарушающими

антимонопольное законодательство, в том числе о признании действий правообладателя актом недобросовестной конкуренции; 3) с иском о возмещении убытков, причиненных в результате антимонопольного нарушения (пункт 4 статьи 10, статья 12 ГК РФ, часть 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции).

Рассмотрение антимонопольным органом дел о нарушениях антимонопольного законодательства не исключает возможности обращения за защитой гражданских прав в суд и не является обязательным условием обращения лиц, чьи права нарушены, в суд. Следовательно, если лицо за защитой своих прав обратится в суд, не подавая до этого соответствующего заявления в антимонопольный орган, суд не может оставить такое заявление без рассмотрения.

При предъявлении иска после окончания рассмотрения антимонопольным органом дела, по которому установлен факт нарушения антимонопольного законодательства, истец освобождается от доказывания данного факта, а также наличия у него законного интереса в защите своих прав. В этом случае антимонопольный орган привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. В то же время наличие акта антимонопольного органа, содержащего вывод о нарушении ответчиком антимонопольного законодательства, само по себе не означает «поражения» ответчика в ходе рассмотрения гражданского дела в суде и не исключает его права представить суду доказательства, опровергающие вывод антимонопольного органа.

В свою очередь, если нарушение законодательства о защите конкуренции антимонопольным органом не установлено, это не означает отсутствие нарушения гражданских прав. В этом случае бремя доказывания факта нарушения антимонопольного законодательства, в том числе по проведению анализа рынка, возлагается на истца (пункт 61 постановления Пленума ВС РФ № 2).

Данное разъяснение Пленума ВС РФ требовалось судебной практике. Для споров, связанных с применением антимонопольного законодательства, отсутствует необходимость соблюдения обязательного досудебного порядка в части обращения в антимонопольный орган. При этом, как представляется, на первое место выступают частные, гражданско-правовые интересы хозяйствующих субъектов с их диспозитивностью.

В то же время следует отметить, что, если пострадавший хозяйствующий субъект обратится напрямую в суд за защитой своих прав, минуя антимонопольный орган, который будет участвовать в судебных разбирательствах в качестве третьего лица, такой орган должен занять активную позицию и в случае нарушения прав истца не только поддержать требования последнего, но и возбудить дело о нарушении антимонопольного законодательства с применением соответствующих мер принуждения к правонарушителю.

Также полагаем, что по спорам о нарушении антимонопольного законодательства в любом случае в качестве третьего лица подлежит привлечению антимонопольный орган. Суд вправе затребовать у него заключение по существу спора. Представляется сомнительным, что, к примеру, анализ рынка, проведенный истцом самостоятельно, будет достаточен для суда в качестве доказательства. Данное процессуальное действие требует специальных познаний, проводится антимонопольным органом по определенной процедуре. И если последний в ходе такого анализа не выявил нарушения антимонопольного законодательства, вызывает сомнение, что истец — хозяйствующий субъект, обладая ограниченным инструментарием, убедит суд в обратном.

В свою очередь, суд, разрешая вопрос о состоянии рынка, должен основываться на соответствующем заключении антимонопольного органа, обладающего специальными познаниями.

Также арбитражный суд при выявлении нарушений антимонопольного законодательства вправе и даже обязан вынести частные определения об этом в адрес антимонопольного и других компетентных органов (статья 188.1 АПК РФ).

Кроме того, представляется, что в большинстве случаев требование о понуждении к заключению договора с монополистом должно рассматриваться арбитражным судом в рамках гражданско-правового спора, а не антимонопольным органом в ходе разрешения административного дела о нарушении антимонопольного законодательства.

По делам о возмещении убытков, причиненных антимонопольным нарушением, необходимо установить: 1) факт нарушения законодательства о защите конкуренции; 2) совершение ответчиком действий (бездействия), в результате которых возникли убытки; 3) факты нарушения обязательства или причинения вреда и наличие убытков — реального ущерба и упущенной выгоды, например вызванной потерей клиентов (статьи 15, 1064 ГК РФ). (Возможно, также следует устанавливать причинно-следственную связь между нарушением и ущербом. — *Прим. авт.*)

Исходя из пункта 1 статьи 15, пункта 5 статьи 393 ГК РФ невозможность установить точный размер убытков не является основанием для отказа в их взыскании с нарушителя антимонопольного законодательства.

При определении размера убытков, причиненных антимонопольным нарушением, может производиться: 1) сравнение цен до, в период и (или) после нарушения; 2) анализ показателей финансового результата (рентабельности по отрасли); 3) использование иных инструментов анализа рынка, в том числе его структуры. Способ определения размера убытков зависит от вида допущенного нарушения законодательства о защите конкуренции. К реальному ущербу могут быть, в частности, отнесены: 1) расходы истца в связи с навязыванием нарушителем невыгодных условий договора или отказом от заключения договора; 2) разница между завышенной ценой на товар и ценой, уплачиваемой иными контрагентами нарушителя по аналогичным договорам.

Если хозяйствующий субъект — потерпевший возлагает на покупателей полностью или в части компенсацию издержек, возникших вследствие антимонопольного нарушения, например завышенной цены на перепродаваемый товар, это само по себе не означает отсутствие у него убытков вследствие данного нарушения. Возмещению в подобном случае подлежит разница между завышенной ценой, уплаченной хозяйствующим субъектом, и издержками, переложенными на покупателей (пункт 63 постановления Пленума ВС РФ № 2).

С учетом изложенного можно сделать вывод, что возмещение ущерба в результате нарушения антимонопольного законодательства является частным случаем по отношению к общим правилам возмещения вреда, предусмотренным гражданским законодательством (статья 1064 ГК РФ). Конструкция состава для возмещения ущерба усложняется в данном случае тем, что необходимо доказать факт нарушения специального антимонопольного законодательства.

Также стоит отметить, что словосочетание «антимонопольное нарушение», используемое в приведенном постановлении Пленума ВС РФ, представляется не совсем корректным. По закону преследуется правонарушение или нарушение антимонопольного законодательства. Если же правоприменитель приравнивает антимонопольное нарушение, например, к нарушению обязательств контрагентом, то есть нарушению частного права, не совсем понятно, для чего усложнять процедуру рассмотрения гражданско-правового спора между хозяйствующими субъектами нормами антимонопольного законодательства.

5. Процессуальные вопросы

5.1. Судебные расходы

К процессуальным вопросам относится взыскание судебных расходов. Ошибки в данной части нередко служат основанием для отмены судебных решений.

Как указано в статье 101 АПК РФ, одним из видов судебных расходов является государственная пошлина.

На основании статьи 104 АПК РФ, подпункта 3 пункта 1 статьи 333.22, абзаца третьего подпункта 3 пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации, пункта 26 постановления Пленума ВС РФ от 21.01.16 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», пункта 11 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.14 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» государственная пошлина не возвращается истцу, если ответчик в ходе рассмотрения дела добровольно удовлетворил требования. В таком случае судебные расходы подлежат

взысканию с ответчика как фактически присужденные в случае удовлетворения иска.

В силу пункта 9 постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.11 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 333.22 Налогового кодекса Российской Федерации в цену иска включаются указанные в исковом заявлении суммы неустойки (штрафов, пеней) и проценты.

Согласно позиции суда по конкретному делу, если размер заявленной неустойки снижен арбитражным судом по правилам статьи 333 ГК РФ на основании заявления ответчика, расходы истца по государственной пошлине в части такого снижения не возвращаются и подлежат взысканию с ответчика.

Также отмечено, что снижение судом в порядке статьи 333 ГК РФ заявленной ко взысканию суммы неустойки не влияет на размер государственной пошлины, подлежащей уплате по иску, которая подлежит распределению в порядке статьи 110 АПК РФ **пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований** (*постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.02.21 по делу № А48-1839/2020*).

В данном случае полагаем, что с ответчика подлежит взысканию в пользу истца государственная пошлина по неустойке с учетом снижения ее судом, а не в первоначально заявленном размере. Государственная пошлина взыскивается с ответчика с расчетом от присужденных ко взысканию сумм, а не требований, содержащихся в исковом заявлении.

Вместе с тем согласно пункту 21 постановления Пленума ВС РФ от 21.01.16 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» принцип пропорционального возмещения (распределения) судебных издержек (статья 110 АПК РФ) не применяется в случае уменьшения судом взыскиваемой неустойки в связи с несоразмерностью последствиям нарушения обязательства, получением кредитором необоснованной выгоды (статья 333 ГК РФ).

В силу пункта 75 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.16 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» при разрешении вопроса об уменьшении неустойки в порядке статьи 333 ГК РФ необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения и неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть **более выгодным** для должника, чем условия правомерного пользования (пункты 3, 4 статьи 1 ГК РФ).

Обоснованный размер неустойки не должен превышать среднюю величину платы по краткосрочным кредитам на пополнение оборотных средств, выдаваемым кредитными организациями лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, либо платы по краткосрочным кредитам, выдаваемым физическим лицам, в месте нахождения кредитора в период

нарушения обязательства, а также показатели инфляции за соответствующий период.

Определение судом конкретного размера неустойки не является выводом о применении нормы права (абзац третий пункта 72 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.16 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств») (*определение СКЭС ВС РФ от 28.01.21 № 305-ЭС20-17897*).

Допускается уступка права требования в части судебных расходов.

Согласно пункту 6 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.17 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» уступка возможна в отношении требования, которое **возникнет в будущем** или будет приобретено цедентом у третьего лица. В связи с этим довод о невозможности уступки права, не подтвержденного судебным решением, является ошибочным.

Даже при уступке права по судебным расходам их взыскание производится на основании критериев разумности, выработанных судебно-арбитражной практикой (пункт 20 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.04 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», пункт 13 постановления Пленума ВС РФ от 21.01.16 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»).

Стороны при уступке права должны предполагать, что требование о взыскании судебных расходов может быть не удовлетворено судом в полном объеме (*определение СКЭС ВС РФ от 26.02.21 № 307-ЭС20-11335*).

Процессуальный срок на взыскание судебных расходов может быть восстановлен судом.

В соответствии с частью 2 статьи 117 АПК РФ арбитражный суд восстанавливает пропущенный процессуальный срок, если признает причины пропуска уважительными.

АПК РФ не устанавливает каких-либо критериев для определения уважительности причин пропуска процессуальных сроков. Согласно определениям КС РФ от 18.11.04 № 367-О и от 18.07.06 № 308-О рассмотрение заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока является правом судьи, необходимым для осуществления правосудия, и вытекает из принципа самостоятельности судебной власти. Признание тех или иных причин пропуска срока уважительными относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего данный вопрос, и ставится законом в зависимость от его усмотрения. При этом позиция суда, по всей видимости, должна быть мотивирована.

Процессуальные права участвующего в деле лица неразрывно связаны с его обязанностями (части 2, 3 статьи 41 АПК РФ). Обладание правами без

выполнения обязанностей противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации, статья 7 АПК РФ).

Как указано в постановлении Президиума ВАС РФ от 31.01.12 № 12787/11, отказ во взыскании судебных расходов, возмещение которых гарантировано процессуальным законом, приведет к ущемлению **права собственности** заявителя, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

В то же время не все расходы, понесенные стороной, являются судебными.

Согласно постановлению Президиума ВАС РФ от 09.12.08 № 9131/08 проведение консультационных услуг по делу к категории судебных расходов не относится и возмещению с проигравшей стороны не подлежит.

Вместе с тем личное участие истца в судебном заседании суда кассационной инстанции без использования системы видео-конференц-связи не является злоупотреблением правом. Соответственно, расходы на проезд к месту проведения судебного заседания суда кассационной инстанции подлежат взысканию с ответчика в случае удовлетворения иска (постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 02.02.21 по делу № А51-21667/2016). При этом такие расходы взыскиваются в полном объеме при условии их разумности.

Помимо судебных расходов с проигравшей по делу стороны может быть взыскана денежная сумма в случае неисполнения состоявшегося судебного решения.

В соответствии с главой 24 АПК РФ, частью 4 статьи 174 АПК РФ заявитель вправе требовать взыскания денежной суммы с органа государственной власти или местного самоуправления, если ими не исполнено решение суда о возложении обязанности в установленный судом срок совершить определенные действия, в частности принять решение о продаже публичного имущества в случаях, предусмотренных законом, подготовить договор купли-продажи и направить его заявителю.

Также неисполненное решение суда может обязывать орган публичной власти совершить определенные действия, связанные с передачей и оформлением прав заявителя (истца) на земельный участок. Присужденная ко взысканию сумма определяется на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (определение СКЭС ВС РФ от 23.03.21 № 306-ЭС20-12906).

5.2. Форс-мажор

В ГК РФ предусмотрены обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор), которые освобождают от ответственности за неисполнение обязательств

(пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Практику по данной тематике полагаем необходимым рассмотреть в разделе процессуальных вопросов.

ВС РФ выработаны рекомендации по принятию тех или иных решений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, которая отнесена к форс-мажорным обстоятельствам.

Так, распространение новой коронавирусной инфекции само по себе не является уважительной причиной и основанием для переноса срока исполнения обязанности по уплате налогов, иных обязательных платежей и освобождения от уплаты пени за соответствующий период просрочки (ответ на вопрос 13 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 3, утвержденного Президиумом ВС РФ 17 февраля 2021 года; далее — Обзор № 3).

Суд не вправе приостанавливать производство по делу по причине неявки свидетеля, специалиста или эксперта в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Однако суд с учетом конкретных обстоятельств дела вправе отложить судебное разбирательство на основании части 1 статьи 169 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части 5 статьи 158 АПК РФ, части 2 статьи 152 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (ответ на вопрос 1 Обзора № 3).

Отсутствие в протоколе об административном правонарушении, иных материалах дела сведений об уникальном идентификаторе начислений (УИН) для уплаты штрафа не является основанием для возвращения административного материала составившему его лицу в порядке пункта 4 части 1 статьи 29.4 КоАП РФ. Согласно позиции высшей судебной инстанции отсутствие УИН не влияет на правильность разрешения дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.3, 20.6.1 КоАП РФ (то есть нарушениях законодательства и мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции), и может быть восполнено при их рассмотрении (ответ на вопрос 25 Обзора № 3).

На наш взгляд, данная позиция (рассмотрение дела даже в отсутствие УИН) может быть применена и к другим категориям дел об административных правонарушениях независимо от установленных законом сроков их рассмотрения.

5.3. Прочие процессуальные вопросы

В данной части статьи считаем необходимым указать и другие процессуальные нарушения, которые могут повлечь отмену судебных постановлений, а также процессуальные требования.

Как известно, рассмотрение дела в отсутствие стороны, не извещенной надлежащим образом о времени и месте судебного разбирательства, является

фундаментальным процессуальным нарушением и безусловным основанием для отмены состоявшегося судебного решения (часть 4 статьи 270 АПК РФ).

Нововведением последнего времени является проведение так называемых **судебных онлайн-заседаний**.

В судебной практике отмечается, что, если суд допустил представителя стороны к участию в онлайн-заседании, подавать отдельное ходатайство о таком участии не требуется. В этом случае личная неявка на судебное заседание не свидетельствует о злоупотреблении правом.

Рассмотрение дела без участия представителя стороны, которому судом не был обеспечен доступ в онлайн-заседание, является ограничением права стороны на доступ к правосудию — одного из фундаментальных конституционных прав — и основанием к отмене состоявшегося судебного решения (*постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.03.21 по делу № А70-8325/2020*).

Также с учетом пункта 18.1 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.04 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» суд кассационной инстанции не вправе оценивать выводы арбитражного суда первой и (или) апелляционной инстанций о наличии или отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям исходя из совершенного лицом правонарушения и, как следствие, о возможности или невозможности квалификации такого правонарушения как малозначительного с учетом положений статей 286 и 287 АПК РФ (*постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.07.20 по делу № А32-49201/2019*).

6. Прочие вопросы

6.1. Споры в отношении строений и земельных участков

В данном подразделе необходимо выделить дела о признании права собственности на самовольные постройки. В определенной степени данные споры затрагивают и права на земельные участки, на которых расположены строения.

На основании статьи 222 ГК РФ, пункта 2 части 2 статьи 55.32 Градостроительного кодекса Российской Федерации, подпункта 26 пункта 1 статьи 16 Федерального закона от 06.10.03 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», пунктов 22, 23, 24 совместного постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.10 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит

удовлетворению, если единственным признаком самовольной постройки является отсутствие разрешения на строительство. При этом лицо, создавшее самовольную постройку, должно **предпринять меры** к получению данного разрешения. Также такая постройка не должна нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц и создавать угрозу жизни и здоровью граждан.

Как указано в *определении СКЭС ВС РФ от 26.05.20 № 306-ЭС19-19642*, данные положения призваны воспрепятствовать явному злоупотреблению правом в виде легализации постройки по пункту 3 статьи 222 ГК РФ (статья 10 ГК РФ), поскольку лицо, создавшее постройку, может обращаться в компетентный орган за выдачей разрешения на ее строительство лишь **для вида**, не прилагая требуемые документы.

Если строительство объекта не завершено, проверить его на соответствие нормативным требованиям — теплозащитным, противопожарным, объемно-планировочным решениям, санитарно-эпидемиологическим, об охране окружающей среды и иным — не представляется возможным.

В силу пункта 1 статьи 222 ГК РФ здание, возведенное без разрешения на строительство, является самовольной постройкой. К признанию постройки самовольной приводит **публично-правовое формальное нарушение** в виде отсутствия требуемого разрешения на строительство.

На основании пункта 2 статьи 222 ГК РФ лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой — продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. Использование самовольной постройки не допускается.

Самовольная постройка подлежит сносу или приведению в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом. Снос производится осуществившим постройку лицом либо за его счет, а при отсутствии сведений о нем — лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок под постройкой, либо за счет соответствующего лица.

В пункте 24 совместного постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.10 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъяснено, что по смыслу абзаца второго пункта 2 статьи 222 ГК РФ лицо, осуществившее самовольное строительство, и является ответчиком по делу. Если самовольная постройка создавалась с привлечением подрядчиков, ответчиком является заказчик строительства.

Ответчиком по иску о сносе самовольной постройки может являться также лицо, которое стало бы собственником, если бы постройка не являлась самовольной. В случае отчуждения самовольной постройки ответчиком становится ее приобретатель. Если самовольная постройка вносится в качестве

вклада в уставный капитал, ответчиком становится юридическое лицо, получившее такое имущество.

В качестве ответчиков по иску о сносе самовольной постройки должны быть привлечены как фактический ее владелец, так и юридический собственник (абзац второй части 3 статьи 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации или часть 2 статьи 46 АПК РФ).

Если ответчик, на которого решением суда возложена обязанность снести самовольную постройку, не осуществлял ее строительство, он вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков к лицу, осуществившему самовольную постройку.

Требование о сносе самовольной постройки направлено на защиту публичного порядка строительства и обеспечение безопасности возводимых строений. Данное требование не связано с гражданско-правовыми обязательственными отношениями лица, в результате которых у него образовались долги, и отношениями по уплате обязательных платежей.

Наличие у организации долгов, ее банкротство не являются основанием для отказа в удовлетворении предъявленного к ней иска о сносе самовольной постройки (*определение СКЭС ВС РФ от 24.02.21 № 305-ЭС20-18007*).

В практике также выработаны требования к помещениям для признания их объектами гражданских прав.

Согласно подпунктам 14, 24 части 2 статьи 2 Федерального закона от 30.12.09 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» помещение — это часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями; строительная конструкция — часть здания или сооружения, выполняющая определенные несущие, ограждающие и (или) эстетические функции.

В соответствии с пунктом 34 части 1 статьи 26, статьей 27 Федерального закона от 13.07.15 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав возможна, если помещение изолировано или обособлено от других помещений в здании или сооружении.

Согласно пункту 4 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом ВС РФ 30 ноября 2016 года, **обособленность** как признак помещения представляет собой **пространственную характеристику**, указывающую на то, что часть здания или сооружения ограничена строительными конструкциями. В то же время **изолированность** является **функциональной характеристикой**, отражающей то, что помещение имеет самостоятельное назначение, отдельный вход, не используется для доступа в иное помещение, доступа к общему имуществу собственников помещений в здании, инженерным коммуникациям.

Применительно к положениям статей 26 и 27 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» признак изолированности помещения является обязательным для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав. Между тем действующее законодательство не связывает квалификацию объекта недвижимости как обособленного и изолированного с наличием входа, независимого от иных помещений.

Отдельный вход позволяет исключить доступ в помещение собственников других помещений, у данного помещения будет отсутствовать проходное значение/функция/характер, при этом доступ в иные помещения без использования рассматриваемого помещения возможен (письма Министерства экономического развития Российской Федерации от 24.12.13 № ОГ-Д23-6667 и Д23и-6062, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 16.12.13 № 14-исх/11636-ГЕ/13).

Если нежилое помещение обособлено, отказ регистрирующего органа в реализации законного права предпринимателя на приватизацию данного имущества по основанию **несформированности** спорного помещения в виде самостоятельного объекта недвижимости, отсутствия его постановки на кадастровый учет, внесения сведений в Единый государственный реестр недвижимости является несостоятельным и противоречит нормам действующего законодательства (*постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25.12.20 по делу № А58-4369/2019*).

Как отмечалось ранее, с темой самовольной постройки связаны земельные споры, права и обязанности участников земельных правоотношений.

Согласно постановлению КС РФ от 16.10.20 № 42-П собственник земельного участка вправе самостоятельно выбрать как основной, так и — в дополнение к основному — вспомогательный вид разрешенного использования земельного участка. При этом оба вида должны соответствовать правилам землепользования и застройки муниципального образования для определенной территориальной зоны. Ни Земельный кодекс Российской Федерации, ни Градостроительный кодекс Российской Федерации не содержат обязанности собственника земельного участка уведомлять о своем выборе разрешенного вида использования земельного участка органы публичной власти. Это подтверждается, в частности, отсутствием в нормативных актах положений об условиях и сроках исполнения таких обязанностей.

На собственников (правообладателей) земельных участков не может быть возложена обязанность вносить какие-либо сведения в Единый государственный реестр недвижимости в случае выбора ими вспомогательного вида разрешенного использования земельного участка (*определение СКЭС ВС РФ от 08.02.21 № 305-ЭС20-15622*).

По жилищным спорам большой объем обязанностей возлагается на организации, управляющие многоквартирными домами.

На основании пункта 7 Минимального перечня услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядка их оказания и выполнения, пункта «в» части 6 Правил оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.13 № 290, части 2.3 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации, пунктов 4.6.1.1, 4.6.1.2 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Государственного комитета Российской Федерации по строительству и жилищно-коммунальному комплексу от 27.09.03 № 170, управляющая организация должна обеспечить исправное состояние кровли на крышах многоквартирных домов, защиту от увлажнения конструкций от протечек кровли, устранять, не допуская дальнейшего развития, деформации в различных кровельных конструкциях.

Таким образом, действующим законодательством предусмотрена **безусловная обязанность** управляющей организации выполнять работы, связанные с содержанием и ремонтом общего имущества, входящие в вышеуказанный Минимальный перечень, вне зависимости от обязательств иных лиц (собственников помещений) в отношении такого имущества, а в определенных случаях — незамедлительно.

Приведенные нормы направлены на обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащего содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (*определение СКЭС ВС РФ от 20.02.21 № 309-ЭС20-20751*).

За неисполнение обязанностей управляющие организации несут ответственность, предусмотренную действующим законодательством.

Отмечается, что привлечение к ответственности по части 2 статьи 14.1.3 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований, за исключением случаев, предусмотренных статьей 13.19.2 данного Кодекса) не зависит от количества (одного или нескольких) выявленных в ходе проверки нарушений лицензионных требований при осуществлении предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами.

Наличие нарушений в отношении каждого дома, составление отдельных актов осмотра по каждому дому не свидетельствуют о совершении управляющей компанией нескольких самостоятельных правонарушений, поскольку каждое из выявленных нарушений образует единый состав правонарушения.

В конкретном примере лицензионные требования нарушены по одной лицензии, выявлены в рамках одной проверки одним и тем же контролирующим органом в отношении одного и того же лица и подлежат квалификации в качестве единого административного правонарушения (*определение СКЭС ВС РФ от 01.02.21 № 301-ЭС20-15182*).

6.2. Интеллектуальная собственность и налоговая практика

Представляет интерес следующая практика по интеллектуальной собственности.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ в случае неправомерного использования произведения, объекта смежных прав, изобретения, полезной модели, промышленного образца, товарного знака правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя компенсации в двукратном размере от стоимости объекта интеллектуальной собственности. На основании имеющихся доказательств и доводов лиц, участвующих в деле, данная стоимость определяется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации тем способом, который использовал нарушитель.

Согласно пункту 61 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.19 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», заявляя требование о взыскании вышеуказанной компенсации, правообладатель должен представить расчет и обоснование взыскиваемой суммы. По ходатайству истца суд оказывает содействие в истребовании соответствующих доказательств у ответчика или третьих лиц.

Размер компенсации определяется судом в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

В случае тяжелого материального положения ответчика, принимая во внимание характер допущенного нарушения, и при наличии соответствующего заявления от него суд вправе снизить размер компенсации ниже установленной подпунктом 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ величины (постановление КС РФ от 24.07.20 № 40-П).

Размер компенсации определяется исходя из двукратной стоимости права использования соответствующего товарного знака, то есть императивно определен законом. В случае несогласия с представленным истцом расчетом ответчик должен представить соответствующие доказательства иной стоимости этого права, которая взимается при сравнимых обстоятельствах.

Также необходимо учитывать **способ использования** нарушителем объекта интеллектуальных прав. Размер компенсации должен определяться с учетом аналогичного способа использования.

Если определенный судом размер компенсации оказался ниже стоимости, которую просил истец, это не является снижением размера компенсации.

В деле может отсутствовать основной критерий, который в соответствии с положениями абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ и постановления КС РФ от 13.12.16 № 28-П является основанием для снижения размера компенсации

ниже низшего предела, — одновременное нарушение исключительных прав на несколько объектов интеллектуальной собственности. Данное обстоятельство не является безусловным основанием для отказа во взыскании суммы компенсации в меньшем размере по сравнению с заявленными требованиями.

Установление размера компенсации, рассчитанного на основании подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ, ниже установленных законом пределов возможно лишь в исключительных случаях и при мотивированном заявлении ответчика (с учетом абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК РФ и постановлений КС РФ от 13.12.16 № 28-П и от 24.07.20 № 40-П) (*определение СКЭС ВС РФ от 26.01.21 № 310-ЭС20-9768*).

В данном случае усматривается аналогия со статьей 333 ГК РФ о снижении неустойки в отношении коммерческих организаций. Это позволяет сделать вывод, что компенсация за нарушение интеллектуальных прав и неустойка имеют схожую правовую природу и представляют собой штрафные санкции.

Кроме того, снижение размера компенсации за нарушение интеллектуальных прав должно быть надлежащим образом мотивировано судом. Подобное снижение не должно зависеть от того, как истец обосновал размер требуемой им суммы компенсации (*постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.01.21 по делу № А21-7271/2020*).

Также в данном разделе полагаем необходимым привести пример из **налоговой практики**.

Согласно пункту 17 постановления Пленума ВАС РФ от 30.05.14 № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость» учет суммы НДС при определении окончательного размера указанной в договоре цены, ее выделение в расчетных и первичных учетных документах, счетах-фактурах отдельной строкой должна вести только одна из сторон сделки — продавец-налогоплательщик.

Данный подход отвечает положениям статьи 424 ГК РФ и предполагает, что **риск неправильного понимания налогового законодательства** при определении окончательного размера цены по общему правилу приходится на обязанное по налоговому законодательству лицо — налогоплательщика (исполнителя) и не может возлагаться на другую сторону договора.

В случае неправильного учета НДС продавцом при формировании окончательного размера цены договора увеличение цены сделки и дополнительное взыскание сумм НДС с покупателя допускается только по взаимному соглашению сторон договора либо в соответствии с нормативными правовыми актами (*определения СКЭС ВС РФ от 20.12.18 № 306-КГ18-13128, от 23.11.17 № 308-ЭС17-9467, от 01.12.20 № 303-ЭС20-10766*).